

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

10053

Виктор САКК
 Фото автора

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

тарии всех стран, соединяйтесь!

МЕНА

литературно-художественный
 ественно-политический журнал
 трального Комитета ВЛКСМ

Год издания: строительский

Всередине тяжелых самосвалов, переваливаясь на ухабах разбитой дороги, несут на своих могучих плечах груды песка, сборный железобетон, обгоняют медлительные бульдозеры и автокраны. И только требовательный окрик маневрового паровоза заставляет их уступать дорогу многотонным стальным фермам и гигантским трубам, медленно плывущим на длинных платформах.

Все это — паровозы, грузовики — выискивает в морозный воздух клубы пара и дыма. И в этом дыхании огромного строительства, в туманном мареве возникает громадный силуэт первого в стране конверторного цеха на Никско-Татальском металлургическом комбинате.

Издали виден начертанный громадными, в человеческий рост буквами кризис: «Судя по кислородно-конверторный цех на месяц раньше срока».

Это не просто слова. Этим живет вся стройка. Это — крепкое и верное обязательство, взятое строительными цехами, который скоро — уже совсем скоро! — должен сказать свое слово в металлургии. И «слово» будет довольно веское: один конвертор заменит пять мартенов.

На переднем крае стройки, как всегда, молодежь. Тысячи изыскот

Бульдозерист Геннадий Бронников в числе первых награжден «Аттестатом строителя коммунизма», который вручается тем, кто живет и трудится по-коммунистически.

архитекторы

Бригадир Леонид Новокимов первым начал монтаж в конвертерном цехе. Ускоренные темпы он применяет не только на работе. Сейчас Леонид будет сдавать экстерном экзамены в школе.

Почетный вымпел «Рекордсмен труда» вручается самым лучшим. Сегодня его получает бригадир Николай Дмитриков.

юношей и девушек съезжались со всех концов страны на эту ударную комсомольскую стройку. Многие вращают со школьной скамьи. Получив аттестат зрелости — и сюда. Ничего, что за плечами всего лишь школа. Настоящая, владенная зрелость придет здесь, на ударной комсомольской.
Когда завод металлоконструкций

«Прожектористы» вошли в рейд.

Как всегда, «на высоте» неугомонные и бесстрашные сварщики...

Этот нехитрый шаг монтажники в шутку называют «ташкентом»...

Правильно принести добрую весть. Флора Зейлича и Саша Гончаров уведомляют жильцов дома, что их сосед Леонид Новокшанов — ударник коммунистического труда, который зарекается его товарищи по работе...

поставила арматуру на два дня позже, и из-за этого срывался график, арматурщики бригады Валентином Стукаловой проработали подряд четыре смены. Эстакада под бетон была слана вовремя. Это был экзамен на зрелость.

Когда трещал тридцатиградусный мороз и ветер едва не валал с ног, на пятидесятиметровой высоте продолжал монтаж добровольцы — верхолазы Владимира Александрова. Это был экзамен на стойкость.

Когда огромную шестидесятитонную ферму вопреки всяким нормам строительной высоты за четыре дня вместили восьмью, это была тоже экзамен.

И комсомольцы-строители выдержали эти экзамены. Сама жизнь поставила им твердую «пятерку», вручила убедительные аттестаты человеческой зрелости.

Да, ударная комсомольская — это хорошая школа!

ПЕРЕКУЛЧКА М

В. БЕЛОВ

(Москва)

Не знаю, где кончатся походы,
Где море расстанется с пораблем...
Ребята
Из семнадцатого года
Пришли ко мне поведать о былом.

На подоконник стурдили бушлаты
И бескозырки бросили на ступ.
А занавеска
Ахнула плакатом,
И тополь ветки взял кива караул.

Вновь митингует Якорная площадь,
Не ведаю, который день подряд,
И ветер флаги кружит и полощет.
Будут тишина,
И в тишину, как град:

Наш Ленин прибывает в Петроград.

На кораблях
Ударим тревогу.
Заква упрямо ленточки в зубах,
Не веруя
Ни в дьявола,
Ни в бога,
Стоял Кронштадт на мертвых якорях.

Взбешенный
В революцию и море,
Антенны упряма в облака,
На этот раз
Он, ни о чем не споря,
Снял руку для приветствия с курка.

Рука к руке
Балтфлот идет на встречу.
Последний снегом припорошен мол.
Отсюда,
Морская призма на плечи,
На Петроград уходит ледоход.

Апрель, апрель...
Последний лед залюба
Обломками сползает метит след.
На палубе
Братва нетерпеливо
Ждет, чтоб взлететь на некий паранет.

И на перрон Финляндского вокзала
Есть.
Так стоят привыкшие к волюе,
Шеренган
Из черного металла,
Замешанный на крови и огне.

Кто жизнь свою
Прошел до переплета!
Вспениваю
Кто видел до конца!
Матросские
Отчетные роты
Проходят через годы и сердца.

Алексей БАДАЕВ

(Улан-Удэ)

ЗАВИСТЬ

Завидую я
Матери,
Баюкающей сына.
Как ружье вымателевья,
И как любовь аэлики!
Завидую сыну-счастливцу:
Быть может,
Из тысяч землян
Он первым посетит пшеницу
В целинных краях марксизма...
У станции «МИР»
Встречаю я
Паришкшу с букетом цветов,
И прямо-таки отчаянно
Завидовать я готов
Ему
И девушке юной:
Ведь ей не бунует лиммаз,
Не желтеющий кустик южных —

Ей парень весну принес...
Скажики, товарищи, сами:
Ну как не завидовать мне
Пришедшей сквозь волны и пламя
И юною еще седине!
Завидую!
Наши глаза ведь,
Чтоб видеть. А взглянешь вокруг —
Приходит веселая зависть,
Хорошая, светлая зависть,
Не враг человека,
А друг.
Чем больше счастливых будет
В великой моей стране,
Тем сам я счастливей.
И люди
Пускай завидуют мне!

Перевел с бурятского
Юрия РЯЩЕНЦЕВ.

Олег ШЕВЧЕНКО

(Воронеж)

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Спят паровозы,
их не обгонит ветер,
ревуций
в открытой степи.

Почти ежедневно
приходят вагоны
в железнодорожный тупик.
Лишь только уйдут

снова
для отдыха
требуют
плотники,
камень,
лес,
щербенку,
цемент.
Забыв про усталость,
под ноги прущую,
мы выгружаем
последний отсек.
[Нас было семеро.
Мы были грузчиками,
и нам доставалось
больше всех.]
От холода
были
сильнее сливы,

а тут,
как нарочно,
нате-ка!
Три дня
и три ночи
бесится ливень.

Какая тут
к черту
А может, плюнуть
на эту стройку,
может,
уйти
Нет! от нее!

Мы элеватор
выстроим
к сроку,
иначе
целинный злоб
сгинет.

Пускай
от работы
сильнее в руках
Обычные будни.
Обычное дело.
Но это
и есть
настоящая жизнь!

МОЛДЫЕ ПОЭТЫ

А. ЧИСТЯКОВ

(Великий)

ОСКОЛОК

Я под огнем постигнула смерть,
Что каска — все-таки броня:
Не прорубил ее,
Осколок
Упал на стельку близ меня...

Давно уж в полный рост без риска
Я здесь хожу...
И вдруг ко мне
Белот малаша по полю в брызгах
С осколком,
Найденным на дне.

С ладонь осколком,
С рваной кромки
Стекает жидко и поклоп слыш,
Мне показало,
У ребенка
Рука оторвана по кисти...

Еще не раз былое гранит,
Лишь в память спичку оброни,
Пробьет годя
И сордые ранит,
И негу от него брони.

Анатолий ЩЕРБАКОВ

(Москва)

ПЕРЕДОВАЯ

Был дым сражений черен, словно битум,
Я помню сводки —
В них война не вся,
Поэты томче счет вали убитым,
Навечно их в баллады заноса.
А нична ска в полку землепроходцев
Я мнрыя ратик,

просто радовой,
Но я, как те, в окопных прогорклых,
Стою сегодня на передовой.
Она у дюз, обрызганных россою
И в туманию одетых до поры.
Она ленига за взлетной полосою,
Она уходит в звездные миры.
А если бой

И полк идет под пули...
В последний миг подумало о ком!
Я ради всех, живых еще, могу ли
Упасть под танк пылающим снапом!
Смогу, как те, что пал под Ленинградом,
Кто умирал от рак лицом к врагу.
Я не поэтом стану,
так солдатом,
И только гресом стать я не смогу.

Геннадий ЮРОВ

(Пензеново)

ИСЧЕЗНУВШИЙ ОСТРОВ

Самосвалы увозят граней.
Над дорогом долгой гуд.
Самосвалы имеют право:
Ведь у стройки река в долгу.
Самосвалы увозят остров,
Забирывают его у реки.
И давно вот такой же остров
Не испытывал я тоски.
Как сказать им про то, что детство
Разжигало костры свои
С этим островом по соседству
И ему пожелался в любви.
Что я места родней не знаю,
Ярче острова моего.
Что планета наша земная
Для меня казалась с него,
Где вы, утренние туманы,
На какие скалы легли!
И в какие дальние страны
Вы уплыли, мои корабли!
У тропею берегового
За машинами вслед иду,
Разделю в свою беду,
Здесь бетоном пропавший воздуз,
Здесь строительная страда,
Здесь энергию и новым звездам

В. СИДОРОВ

(Москва)

В РАСПУТИЦУ

Погода по-осеннему продрогла,
И облака брюхаты и низки,
Земля взасос целует сапоги,
И хлопает размокшая дорога.

Ползет туман с пригорока на пригорок,
И все вокруг становится седым.
Закуриваем Грессис «Прибоем»,
О, как приятен горьковатый дым!

А ноги, как чугунные,
Гудят.
Но от ребят не отставать старасью,
— Пиши, корреспондент, поменьше
здравниц! —

Полнушта ребята говорят, —
И как ты славоловить не спеши.
О том, что нам мешает,
напиши.

Ты думаешь:
негода и туман,
Распутица лхвая,
бездорожье
За сапоги с подметками тревожит.
А знаешь ты,
что под угрозою план!
Попробуй
в сыпкость вывези руду,
Когда в густой грязи завязали ноги!
Ведь все учим,
забыли веруцуда —
Забыли запланировать дороги.

Над дорогой несут провода.
Внизу, там, где панели ставят,
Кран уперся в небо стрелой,
Самосвалы сгружают граней, —
Это остров сгружают мой,
Это наземь стремнина пала,
Звонкость скал и воскодов блеск,
В шуме выросшего квартала
Мне речной послышался плеск.
Здравствуй, улица!
Будем знакомы,
Берег острова моего!
Что ж, строители по-иному
Здесь заставляли жить его.
Я за то, чтоб шил самосвалы,
В этом стройка всегда права,
Чтоб река для нее намывала
Острова,
острова,
острова.

Только сердцу немного странно,
Что не стало клочка земли,
От которого в дальние страны
Уплывали
Мои
Корабли.

И если ты, как говорится,
перед Москвой,
Поставь вопрос перед самим правительством.
— Я напишу. — Сматри же, не забудь!
Порыв дождя и холоден и резок.
О, как здесь нужен и дозаруз
Добротный, бетонированный путь!
Лети, листка! Над памятию кружились!
Пожоже в тумане на титанов,
Ползут и грязь разбрызгивают «атры». —
А ну, пехота, в стороне держись!

Обзор откликов читателей на статью "ОТВЕТ "ФЛИБУСТЕРУ"

И А ДО Л И
В МЕШИВАТЬСЯ?

Б Е З РАБОТЫ
В Е ДЬ ТОСКА ЗАЕСТ...

Р У Д О В А Я Г Е Р О И К А
С К Е П Т И Ц И З М О Б Ы В А Т Е Л Я

П Р И З Н А К
О П А С Н О Г О
А Б О Л Е В А Н И Я

О Н О Р М Е
С О В Е С Т И
Д Р У Ж Е С К О Й
О М О Щ И

«... давайте спорим в открытую» — таким призывом заканчивалась статья «Ответ «Флибустеру», опубликованная в № 1 нашего журнала за 1963 год. Впрочем, поднятые в статье, вызвали много наших читателей, и поток писем хлынул в редакцию. В №№ 6 и 7 с нашей «Трибуны» высказались 19 человек, а просит слова еще несколько сотен людей из самых разных уголков нашей страны. Опубликовать все поступившие письма редакция не в состоянии, а поэтому попытаемся подвести некоторые итоги этой аночной дискуссии.

Прежде всего хотелось бы ответить Жанне Бойцовой из г. Прадвизна, Горьковской области, которая в своем письме выразила недоумение по поводу начатого разговора: «Зачем все это? Каждый человек мыслит по-своему, у каждого имеется свой взгляд на жизнь, бывает верный и неверный». Иными словами, Ж. Бойцова отрицает необходимость критики неверных взглядов, предлагает не вмешиваться, а предоставить каждому самому себе, оставить наедине с собственными мыслями и суждениями. Такая позиция неадекватна, позиция стороннего наблюдателя в корне неправильна. Вся история нашего общества, нашей партии — это история борьбы за утверждение коммунистических идей и взглядов, это борьба с неверными тенденциями, борьба с заблуждениями и отступлениями от единственно верного пути создания коммунистического общества. Недавние встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, открытая, искренняя, принципиальная критика недостатков в ряде произведений, неправых позиций и ошибок — лучшее тому доказательство. Нам народ, советская молодежь единодушно одобрила и поддержала борьбу партии за живущую правду советского искусства и литературы, за их коммунистическую крайность и высокую художественность.

Принцип коммунистической морали — человек человеку — друг, товарищ и брат — требует не подкапывать «на товарищеских чувствах» неверный взгляд и мнение, не проходить спокойно мимо ошибающегося человека, а прямо, честно, открыто высказывать свое мнение, стараться переубедить заблуждающегося, промывать ему глаза чистой родниковой водичкой, как правильно писал в «Смене» № 7 столяр Г. Маслов из г. Барнаул.

Именно это желание руководителей сотнями людей, приславшими в редакцию письма, в которых они критиковали взгляды «Флибустера» из Комсомольска-на-Амуре. Помимо тех читателей, которые уже высказались на страницах «Смены», свое неослабное с рассуждениями анонимными выражениями кампания И. Делков из Литвы, бульварист И. Логин из г. Рудного, киномеханик Ю. О. Калецкий из г. Артема, Приморского края, библиотечар П. Акшиин из Казахстана, офицер Н. Волочай из Врестской области, авторе-

ханки Н. Смык из Целинограда, мастер цеха С. Сухопаров из Саратова, работница лесхоза З. Рубенкова из Томской области, студент В. Беляя из Днепропетровска, лаборантка В. Барамиде из Грозного, строител М. Худайбаев из Андиканской области, штукатуры В. Константинов из Ярославля, слесарь-трубопроводчик Л. Шмотов из Талина, шофер К. Шадев из Кустайнской области, колхозница С. Себфулина из Оренбургской области, строител А. Ковальчук из Якутии, механизатор-деланчик Г. Козаков из Уральской области, рабочий В. Соломатин из Читинской области, строител И. Харченко из Киева, матрос Н. Чума из г. Находки, помощник капитана Н. Скворцов из Сахалина и многие, многие другие. Особое воодушевление «Флибустером» и обиды за город, за его жителей звучат в письмах рабочих Комсомольска-на-Амуре В. Соколова, К. Кузнецова, первых строителей города юности А. Зиборова, В. Нагайцева и других. В большинстве откликов читатели сообщают, что они до этого никогда не писали ни в какие редакции, но в данном случае не могли остаться равнодушными, не могли не влезть за перо, чтобы не опровергнуть мысли «Флибустера».

Необходимо, однако, отметить, что почти половина в редакции и мнения людей, не разделяющих точку зрения, высказанную в «Ответе «Флибустеру». Одни не до конца поняли то, что было сказано в письме из редакции, другие являются убежденными сторонниками взглядов анонима, как, например, А. Марьянов из Могилева, А. Шемченко из Татарога, В. Гипонко из Крыма, С. Абрамов из Симферополя (их обращения были опубликованы в «Смене» №№ 6 и 7). Поэтому оказался несправ В. Выльин из г. Ейска, писавший, что «враг ли найдутся люди, которые поддерживают взгляды и философию «Флибустера». Нет, они есть, хотя и не всегда решаются открыто высказывать свои мысли. Мы получили несколько посланий, подписанных псевдонимами «Вздуеркиндни», «Флибустер-2», «Задц», или вообще без подписи. Но так как мы договаривались вести чистый, прямой разговор, на эти анонимные письма отвечать не будем.

Некоторые читатели задают недоуменные вопросы: «О чем, собственно, спорить? Люди работают и получают за свой труд деньги. Все идет в настоящее время жалея, нельзя так за что критиковать «Флибустера»? За то, что он не отказывается от денег? А кто от них откажется?»

Такие читатели как хотим сразу разъяснить, что в «Ответе «Флибустеру» вовсе не отрицалась роль денег в социалистическом обществе и никто не призвал «стигматическим» работать за «красное слово». В будущем коммунистическом обществе, где все будет зависеть от потребностей, деньги утратят свое значение. Но до тех пор деньги необходимы любому человеку. В Программе

де-то скригнула дверь, и он удивился, как легко сплет с него сон. В следующую же минуту он вспомнил пошечнику, когору он заперли Шугаев, и злобу торжественности на лице Марии. А потом, посматривая на стол с неверными, как у новорожденного теленка, жорнами, писал, что дало не только в Марине. Каждый вечер он писал за этим столом письма, и сегодня должен был писать на то последнее письмо, после которого он уже не прикасался к бумаге. Вот в чем дело. Виктор попробовал представить, какин оно будет, это письмо. Размахистые строки, ровные, как этак. Аккуратно зачеркнутые слова — очень обидные или очень ласковые, о которых ему, видно, лучше не знать. И опять, как всегда, тугие ораторские мотоперы, которые невозможно расшутать.

Астакх вскопил с постели и быстро оделся. В койзкой комнате было тихо. Антонина Ивановна, пожалуй, уже ушла. В сенях он подставил голову под умывальник и подумал, что вряд ли умрет от тоски, пока существует в этой деревне колодезь с ледяной водой, пока над крымской степью встает солнце, положее на астру, и пока живет в нем эта самая тоска, от которой ему никуда не деться.

Прихватив с собой мешок, он направился к домику, выделенному студентам под столовую. Издали он услышал громкий смех и подался, что одно из тонких изданий жизни — слушать смех неузнаваемых людей, у которых с неприкрыти побаливает спина и которым до чертиков надоела ежедневная лажла с курьей.

На противоположной стороне он увидел почташова и кинул ему. Тот тоже отставил кивачик, и это означало, что письма нет. Все ясно.

В столовой он посматрел на Краченко — широкая спина и вздрагивающие плечи. Этакая мрачная массивная фигура и багровый от натуги лейкомысленный затылок. Сделав багровый, природа, наверное, испугалась: не слышим ли сержанки? И наградила его смелостью, тонким голосом и склонностью краснеть до самого затылка.

Виктор протиснулся к приятелю, который сидел в самом углу длинного — на двадцать человек — стола. Ему подвинул алюминиевую миску с лажлой. У Вова Краченко ложка гласила в руках. Смелся он расточительно. Знал, что смехе ему ступлено на всю жизнь. Толик Самойлов хохотал с закрытым ртом — у него не хватало переднего зуба. Алик Сергеев, отпихнувшись к стене, поглядывала на Виктора насмешливыми глазами.

Виктор хладнокровно жевал. Пусть смелость. Смех не выходит из моды. И потом, все это действительно смешно. Он вспомнил, как вчера на танцах к Марине подошел Петр Шугаев. У него нет одного глаза. Когда Шугаев пьивал, его здоровый глаз наливался кровью, а протез продолжал сиять немелкоющей голубиной, и это подолусало жутк к его дурному запаху. Механик взял Марину за подбородок. Протез поблескивал трезво и равнодушно. Может, Виктор и поверил бы, что это шутка, если бы не этот равнодушный протез.

Да, все глупо получилось. Глупо и смешно, думал Астакх. Он всяке не метил в герои. Им руководаха простая порядочность. А вышло банально. Вчера с перекосившим лицом Шугаев сжал кулак. Неожиданно между ними встала Мария. Сначала Виктор подумал, что его ударила Петька — звонко прозвучала в клубе отыветная почечина. А потом увидев ее глаза, злые и какие-то торжественные.

В столовой замолчали. Как-то уже вышел из-за стола. Краченко, улыбаясь, вытерпал платком жирные губы. Внезапно Виктор почувствовал себя одиноким и неудачливым. Письма идут медленно, а на щеке горит себидна — кажется, от ее перстенька.

Студенты прошли пальной деревянной улицей к длинному колхозному саду. У всяке уже стояла Антонина Ивановна — бригадир. Была она немногословна и не делала студентам никаких смидок на чужость.

Филологи любили ее за то, что ясным умом она не походила на большинство литературных героинь.

Виктор подворовался с ней. Он редко видел ее дома: хозяйка приходила поздно и уходила до свету.

— Марина тебе кланялась, — сказала она серьезно.

— Вот это жест! — возмущился Егор Анисимов.

Студенты рассмеялись. Суровый Вася Никитин итерпеливо переборщил мешок с одного плеча на другое.

— Смелая ли смелка — это когда юмора нет или когда его очень много, — сказал он. Все уже знали, что он обожает иррачную шутку.

Он перешел на другой конец поля. Виктор смел сзади всех, рассеянно срывая зеленые хлопковые коробошки. Он Иры не видел. И сегодня не будет. Почташлов не оставил его. Разве обязательно спрашивать почташова!

Он улыбился с ней в одном городе. Он ходил в школу и видел ее на другой стороне улицы — надменной, как некто, и красивой, как все шестнадцатилетние. Иногда он встречал ее на школьных вечерах. Она кружила с перьями, а он по ее глазам угадывал, какие ей нравятся — брионеты, непорочивый и молчаливый, как иностранец, как иностранец.

Это было давно. Но и сейчас, прощая в ракушечный морской городок, он прощает ей все на много лет вперед. Все ему поминтся запах синери, от которого он задыхнулся — она защищала его от губ веточкой сирени.

А потом письма, письма, письма. Письма, которые идут медленно. А потом мучительные сессии, и ожидания встреч, и невыносимые телеграммы: «Приехать не могу. И опять письма. И где-то за строчками все становится гжямлым. И можно идти к весам и напевать про чеподички, которые лежал на полочке, и смеяться над непорочивыми Краченко.

Его оклинула Аня Сергеева. Эта девушка отвергла поэта, и он посвятил ей кинжик стихов. Она, говорит, отыдала от дома музыканта, и скрипка поклялся играть наряди на ее свадьбе — пусть не думает, что он обман. Умный людоек успокоиваю то, что она никогда не предлагала дружбу, когда отыказывала в любви. Поэтому друзей у нее было много.

— Ты не обманяй на Марину. Просто она гордая, это надо понять.

Он несколько раз встрянул мешок с хлопком. До нормных виде лажло. Градирять инграммом — это немало.

— А зачем мне надо понимать? — спросил он и почувствовал, что терзает терпение. Все эти разговоры и насмешки идут даже не от простого любопытства, а от уверенности, что он, Виктор, влюблен в Марину.

Очень стояла властная. По ночам идивала земля, но в полдень степь снова становилась почти знойной. Плямо уходящих летом, степной козирью, ребячьими кострами.

Почему-то тоскливые всего человеку именно осенью. В Ленинграде идут дожди. Ира торопливо пересекает улицу. Когда она опускает письмо в почтовый ящик, несколько капель падает на конверт. Где-то в Болгоме размыло пути. Письмо задержится.

Нинего, Ира, я подожду!

Он не смог амвсте с ней поехать в Ленинград: заболела мать. «Переживем», — говорила Ира, — мы сильны». В день прощания хлопали пласки на ветру. Перрон людий-людий. Здесь нельзя целоваться даже сильными.

Ты говоришь: сильные. А разве для сильных не опасны любые перемены, даже самые лучшие перемены? Ты станешь умнее — тебе могут понравиться другие, ты станешь красивее — и полюбощ красивого, ты добрее будешь — а вдруг по доброте и покаявеш кого-нибудь? Я не вижу тебя. Я стал зобнывать твою лицо. Мне не видишь отсюда твои хитрые враги и твои настоящие друзья — непорочивые брионеты. Я пишу письма. Нам остались только письма — плохие копии наших чувств.

Солнце уже садилось. Виктор по обыкновению шел сзади друга. Сегодня они кончили пораньше в честь воскресенья. Надо было успеть переодеться к вечеру.

Концерт затеяла Вера Гурова. Она отличалась неутомимостью и совершенно бескорыстным желанием находиться в центре студенческой жизни. Самодеятельность начали готовить давно, как только приехали. Алик Городерский взялся написать куплеты про колхозников. Будут песни, стихи — все как положено. Астакх просил что-нибудь сыграть. После вчерашнего он решил не приходить к ней и сейчас мучительно думал над тем, как бы избежать новых разговоров. Впереди громко обсуждали программу концерта. Виктор немного отстал, чтобы не слышать своей фамилии.

Справа на отшибе приуныла бабеттерин крылатая мельница. А еще дальше, как тоненькие брусочки, белели здания пидцефидеров. Как-то Марина затннула его туду. Он был оглушен немолчим шумом: украинские ушанки, леггорны, тяжелые кохинкины горланки, хлопали крыльями и долбили кормушки. Павло разел, как лажут живые сборища. А у Марини во время от отдавали горьковатыми стелными травками.

Виктор сбросил с сенек мешок и прошел в свою комнату. Чистый глиняный пол. Старина и порядочность. В соседней комнате бабушка хитро влетала мораль в сказки для внучат. Жора и Зина слушали, не перебивая, и только временами сгоняли с нее врему: «А дальше!»

Он увидел письмо. Оно лежало на видном месте и, может быть, позтому не бросалось в глаза. Это от Иры — размахистые строчки адреса. Он не просил отыать праме — любил или нет. Она запуталась, и ей надо помочь разобраться в сложной сумятице чувств. Уже давно Ира писала ему, что познакомилась с инженером — брионет и приятно хартвато. Но в каждом письме упрямо и бесслыбно билась фраза: «Люблю только тебя. Он

сравнивал эту вереницу совершенно одинаковых фраз, и они казались ему с каждым разом все более и более обескровленными.

И вот он напился. Ему нужна определенность. Нежность отношений — это тот же обмен, только слова похитрее. Но ему мало простых обещаний. Обещаний с него достаточно. Пусть вышет нераспечатанным письмо инженеру. Он куда-то уехал и писал ей красивые романсы с продолжением.

Виктор взвесил в руке пакет — целая бандероль. Он отложил письмо в сторону. А что, если все-таки пойти на вечер?

В дверь постучали. Он обалдело посмотрел на Марину.

— Беба Клавда дома! — спросила она.

— Дома! — Он растерянно показал на хозяйскую половину.

— Ты не беспокойся, я не к ней.

— Ну да... — пробормотал Виктор, вконец сбивый с толку.

Всегда она такая — резкая, сумбуриная. И всегда громкая и свежая, как горняк речка.

— А ты что такой мурый? Случилось что-нибудь? — участливо спросила она и усадела на стул. Большие серьезные глаза. Нижкой намешки. Слово не она вчера отведала ему злерецину.

— Нет, ничего, вот готовлюсь к вечеру, — произнес он, стараясь подавить в себе растерянность.

— А-а-а, — протынула она. — Меня Петяка Шугаев пригласил, но я ему отказала — год, — вы локтями скрипяти стол. — А ты что ж не пригласишь! — Она смотрела на него вопросительно. — Ах, как скрипит этот чертов стол!

Виктор не выдержал ее взгляда. Слишком красивые глаза. Совершенно спокойные и серьезные.

— Просто не успел... Приходи. — У него вспотел лоб, и он старательно вытер его платком.

— Спасибо, — сказала она и взяла письмо, которое лежало на столе. У нее был немножко рассеянный вид, и это его успокоило. Он обогнал вокруг стола и встал у окна.

— Покажи мне ее фотографию, — неожиданно попросила она.

— Чью?

— Твоей девушки.

— У меня нет ее фотографии. У меня только письма, — сказал он почти виновато.

Она засмеялась задорно и совсем не обидно. Все в ней по отдельности было просто — глаза, губы, спаленные солнцем волосы — но ничто не воспринималось в ней по отдельности. А было частью красоты — громкой и свежей.

— Ну, одевайся, я подожду, — сказала она и пошла в соседнюю комнату.

Когда они вышли, солнце уже насквозь прожгло ветный край тучи и теперь изнутри высвечивало ее таинственную утробу. К Марине привалялся ветер, подергивал ее за локти подол.

— Ты любишь свою девушку? — внезапно спросила она.

— Да! — ответил он с неожиданной горничностью.

Они молча прошли до самого клуба.

У крыльца парни покуривали цигарки. По стаям оценивали девчат их прищуренные глаза. Виктор зябко повел плечами — эти глаза были неприятнее намешек. Шугаев стучал жистлым кулаком по колену и тонко сплевывал под ноги прохлотившим.

В зале пахло табаком и маленькими семечками. Несколько первых рядов занимали старушки с детьми. Пришло почти все правление колхоза во главе с председателем. Чинно, как судьи, сидели женщины. Хозяйки стояли у стен, высиживали, кто получше. Шумели нетерпеливые дети.

Марина сразу же ушла к подругам. Астахова опять удичило на равнодушное «Почка». Его позвала Вера Гурова. Участники концерта сидели около маленькой сцены, закутанной занавесом.

Зал быстро заполнялся. Оглянувшись, Виктор увидел, что Петяка сидит рядом с Иваном Жужовым, отетым бандитом и пьяницей. За ними темнел ряд чубятых парней из поселка.

В зале раздался хлопок — щедрый аван радушного зрителя. Занавес раздвинулся. Мажорочный дым поплыл на сцену. Вера Гурова переждала шелест и кашель и со своей всегдашней артистически застенчивой улыбкой произнесла:

— От имени участников художественной самодеятельности нашего института разрешите передать вам, горячий студенческий привет и поздравить вас с хорошей осенью, с добрым урожаем и с новыми судьбами!

Астахов увидел, как смидывая сзади него девушка потупила голову. Но герой, невестал! Все будет хорошо, если дело не дойдет до писем!

Зал сильно хлопал.

Подождая, Вера продолжала:

— По праву артистов, — она сделала движение бровями, подчеркнув иронию, — по праву артистов просим прекратить в зале курение.

Виктор вспомнил про письмо. Он так и не прочитал его. Что-то первернулось в нем в эти дни.

Но сцену вышли Вера Гурова и Алки Горюдецкий. Где-то за сценой Егор Астахов настраивал гитару.

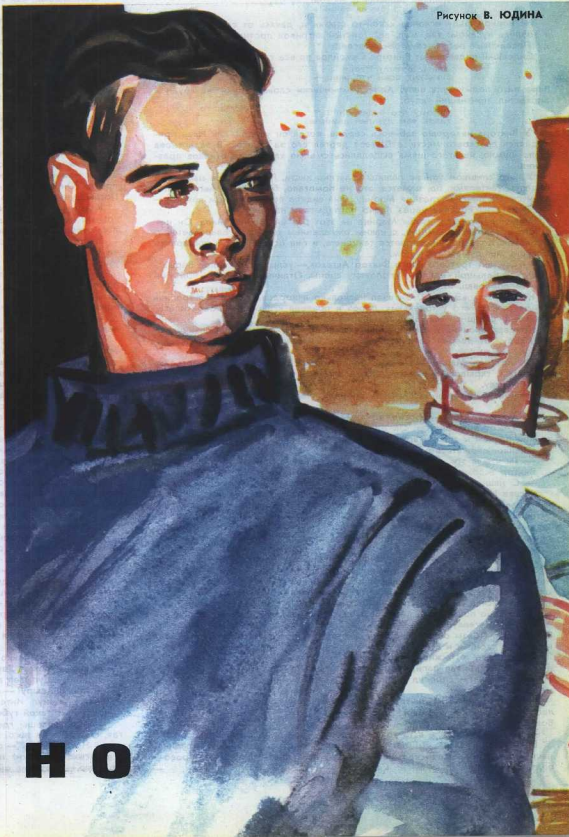

Рисунок В. ЮДИНА

едленно

— Мы спомем вам сатирические куплеты на колхозные темы. Егор излезл из семиструнной эффектной пассаж. Вера продекламировала чистым голосом:

У Чухлякина у Коеня
что ни дым, то похорошеет.

Алик, подражая известному эстраднику, мрачным голосом заключил: Потому-то без стеснения до базарам ходит Коеня.

Видимо, в зале присутствовала эта самая Чухлякина, потому что поднялся шум, и все стало оборачиваться к ней.

Егор неслышно раз позирнул на гитаре проиграл. В зале установилась тишина.

А у Нины в магазине

очень много вещей тыщиной,—

вступила Вера.

Городицкий басил:

Я просил дубину шпету,

чтобы четкая была вводу

— Так так — закричала в зале как-то женщина. Астахов увидел суровое и покатанное до высказанной правды лицо. Теперь он уже не смотрел на сцену.

У Валдаиной Шидексы

от безделья руки не покла.

Мельнику округленные от страха и стыда глаза. Платок съехал на толстый зрячок.

Лошадь молчала в тоске:

«Эх, как-то бы из-за воды»

На первом ряду вскочил какой-то старик и, давша от смеха, крутанул в воздухе кулак: так, мол, вел Толстый зрячок протискивался к выходу. Поселковые ребята вывели его всад.

Сидевший недалеко от Виктора Самойлов во все глаза смотрел на Веру.

Баял, дубину Нину

Дубу пока не даю.—

Вера тихо подмигнула залу. Алик демонстративно сложил руки на груди и оповестил притихший клуб:

Потому что будет он

тыкать, так дубина, самого.

У Виктора нехорошо забилось сердце, когда он увидел, как Иван поднялся со своего места, а Шуваев дергал его за пиджак. В зале снова стало шумно, из этого шума выделялись смелые хлопки работников правления.

У него слишком тонкие пальцы и легкие члены. По утрам он начинал бизнес гантелями, но, кажется, это не помогло, боксера из него не получили. Он поинтересовался Мариной. Она сидела почти в самом конце зала. Ребята из посёлка через лавочку подглядывали на нее.

Надо сделать так, чтобы Марина на этот раз ничего не знала. Он не немного успокоился, заметил, с какими оживлением она переговаривается с ребятами. Конечно, ей захочется танцевать, и она останется. Он постарался больше не думать об этом.

Судя по звукам этого курса Виктор Астахов,— услышал он голос Веры. Рояль болтался, едва не оповестив стеною. Отличное звучание. Он уже как-то пробовал.

Калининков, «Элетиз». Он взял несколько аккордов, и грустная тропинка закружила его у тоненьких берез и привела к зарослям Берекслета, катаясь дахинею. Потом шумный выдох. Виктор сделал марш, угловатая направление удара. Его кулак стукнулся с чьим-то плечом и с размаху слетел с него. Он упал на колени в какое-то месиво. С отращиванием предоставил, как морские брики булент лупить к коленикам. Рядом кто-то пострашному охнул — удивил сащели Краченко. Виктор не успел подняться: его свалил удар ногой. Никитин, не выпуская пиджакса изо рта, был расцеловано и хладнокровно. Он вырвался вперед и дал возможность Виктору очухаться. Астахов попробовал языком нижнюю губу — не то, не то, не то кровь. Отнысь в прыгающих лицах мертвых глаз Шуваев и удерил прелюбо. Внезапно почувствовал, как бесстыден его удар, он с размаху бросился под ноги Шуваеву. Когда Виктор вскочил на ноги, Краченко за ворот тряс парня. Потом он с отращиванием отпихнул его от себя. Тепло толкнулось со стеною, и вслед за этим внезапно наступила тишина.

Поселковые отхихивали. Шуваев

Несколько цыгарок заветились вперед. Ладони прикрывали их от дожда.

— Астахов кто? — спросил хриплый голос.

— Я,— ответил Виктор. Он опять подумал о том, что у него слишком тонкие пальцы и тут уж вряд ли помогут гантели. Его потянул за плечо Краченко: держаться надо вместе.

— Ты кто же, ладно, богуша здесь? — Голос одного из поселковых.

Виктор вспомнил его — морда, как возкальные часы.

— С нашими девками ладить? — Тенор Шуваев, злой, лающий голос.

Васка Никитин спокойно закрутил, чиркнул одну, потом другую спичку. Краченко присутствовал: ну и сволочи! На секунду стало тихо — затеяли дахинею. Потом шумный выдох. Виктор сделал марш, угловатая направление удара. Его кулак стукнулся с чьим-то плечом и с размаху слетел с него. Он упал на колени в какое-то месиво. С отращиванием предоставил, как морские брики булент лупить к коленикам. Рядом кто-то пострашному охнул — удивил сащели Краченко. Виктор не успел подняться: его свалил удар ногой. Никитин, не выпуская пиджакса изо рта, был расцеловано и хладнокровно. Он вырвался вперед и дал возможность Виктору очухаться. Астахов попробовал языком нижнюю губу — не то, не то, не то кровь. Отнысь в прыгающих лицах мертвых глаз Шуваев и удерил прелюбо. Внезапно почувствовал, как бесстыден его удар, он с размаху бросился под ноги Шуваеву. Когда Виктор вскочил на ноги, Краченко за ворот тряс парня. Потом он с отращиванием отпихнул его от себя. Тепло толкнулось со стеною, и вслед за этим внезапно наступила тишина.

Поселковые отхихивали. Шуваев

Васка докрутил пиджакса, глотал чезные затяжки.

— Как дела? — спросил Краченко. Он похмыкал правой рукой и дул на большой палец.

— Добро,— ответил Виктор и расмелся, почувствовал, как это все неслепоту шуваевский лающий тенор, морщась коленики и опухший палец Воюк.

— Поidea умоется, а то ховзев перелугает,— предложил Вовак.

Виктор пробрался в комнату незаметно. Посмотрел в зеркало. Седина начиналась у правого виска и шла к носу, а под глазами ярко синел кровоподтек.

Наутро пошел дождь. Значит, сиди дома: хлопок в такую погоду не собирают. Виктор тоскливо посмотрел на стол. Встал в руки письмо. Защеплеванного конверт имел пугожко официальный вид. Виктор вскрыл его и оглошил письмо инженера в сторону. Краешком глаза он прочитал обратный адрес — город Вологод. Слышном близком к Ленинграду. Пожалуй, инженер еще не знал, что такое письма.

Записочка от Иры была короткой:

«Я осталась на твоей совести решать вопрос, прав ты или нет, потребовал от меня Юриюни письмо...»

Понявал, ясно. Сказано довольно определенно. Что у них там было? Вместе ходили в кино: Ира не любит ходить в кино одна. Видно, когда деловались. Ира много поцелуев не позволит даже инженеру. Виктор вспомнил наскозь жанковские стихи Алика Городицкого:

С ней под дубом сидела — красота!

Пусть узнает от инги ступ дуб!

И любил поцеловать так

Чем ближе сердце, тем дальше губы!

Ей бы понравилась эти стихи. У человека должен быть идеал, а идеалом редко бывает в прозе. Я тебе вышло эти стихи, Ира!

— Понимаешь, как все сложилось? Ты рубил слеза и вызывалшь это распухавшее.

Фраза подчеркнута двумя чертами. Боже, как все правильно, как все чудовищно правильно!

«А помини наш славный город! А тебе не жалко нашу беспечность и бесбашивость? Стрелыю нотеции родителей, а наэстрге снова вернемся под утро... Ты тогда помнил все на свете».

Ира не захотела остаться в Крыму. Самый родной город — это чужой город, говорила она. Ну что он мог подделать? Поезд сырился за поворотом. А он встал на рельсы и еще несколько минут чувствовал их вздрагивание.

Наконец на глаза попалась строчка:

«Давая же мне чем заново?»

Он достал чистый конверт и вложил в него черепачтанное письмо инженера. Пожалуй, писать ничего не надо.

— Что ж, начнем заново!

Он накинул плащ и вышел на улицу. Синий пятноватый ящик висел напротив. Он весь был усеян каплями, и Виктор постучал по нему пальцем. Потом сунул письмо в ящик.

К дому шла девушка в розоват, цвет теропиновая локода и ничем не прикрытые волосы. Он не стал окливать Марину. Надо быть честным. Он посмотрел на почтовый ящик. Надо быть честным!

Виктор прошел несколько домов и свернул в проулок. Граница деревни была подчеркнута жирной полосой хлопкового поля. Он пересек его усталой походкой. Ира была отпави напиди, оттавниво бегалась коровочка.

Он прошагал около часа. Наконец намались солончак. В жаркую погоду они допались, и тонкие листья проселенного люа скручивались под солнцем, как береста. Сейчас солончак маэло подблескивал избытком воды. Дождевик моросил мелким. Он не мешал думать.

Вскоре Виктор услышал плачь. Рубашка стала влажной и прохладной. Ровный ветер уносил спокойные мысли. Добрый свечник — ветер.

«В разнушанном приморском городке они не успели обходиться с ней всего парков — так мало им пришлось быть вместе. А Ира реально не хотела оставаться в Крыму: она хочет быть журналисткой. У тебя заболела мама? Мне очень жалко, что тебе не будет в Ленинграде. Правда, очень жалко! Ну что ж, что письма идут медленнее? Мы сильны!»

Мы сильны! А ведь он полюбил ее именно за сильный характер. Что делала с ней жизнь сайнес? Как называет сама она эту историю с инженером — силой или слабостью?

Наконец Астахов добрался до обширного ряда, поросшего рыжей растительностью. Склоны ряда и его дно были усеяны гильзами и осколками. Где-то здесь во время Отечественной погиб его отец. Поэтому-то он и пошел в армию.

Виктор присел и поднял позволенную от времени гильзу. Да, ранение в грудь вполне излечил. Его даже не успели донести до медсанбата. Мать рассказывала, что отец был замечательным человеком. Она никогда не говорила о нем как о докторе наук. Просто верный муж. Запомни, сын, есть и мужская верность.

Было уже за полдень, когда он решил вернуться назад. Врема обеда, время жарной ладии с куринкой, но он не пойдет обедать.

Недалеке от села, там где хлопок был особенно рослым и красивым, он увидел два неподвижно стоящие флюгера. Женщину можно было узанть сразу. Она помелаа ему веточкой хлопка. Кто это гуляет с Аней? Парень повернулся к нему лицом. Онджиде Виктор подумал, что было бы хорошо увидеть их вместе — Ано Сергееву и Васю Никитина. Как это он им до сих пор обходился в Крыму?

— Вышка, ты тоже ничего не спи! — крикнула Аня.

Василья улыбнулась только нижней губой: верхняя опухла и была серезьей.

— А как Краченко? — спросил Астахов.

— Он не может держать ложку,— рассказялась Аня. Василья ощущала губу указательным пальцем.

— Хочешь сыр? — спросила Аня.

Виктор интелу. Интересно, как Васяа целовал ея? Чертовски неудобно целоваться с тасой.

— А ты знаешь, где вчера была Марина после вечера? — Аня, не инга, смотрела на него. Пожалуй, только Васка выдержит ее взгляд.

— Нет, не знаю,— ответил Виктор. Набитый рот хорошо защищает от всег психологического прожора. Человек с набитым ртом непроницаем.— Не знаю,— повторила она.

ТРУБЫ-ПОТОКОМ

Огромный стан для сварки крупно-размерных труб кажется совсем небольшим в эскизном цехе Ново-Московского завода.

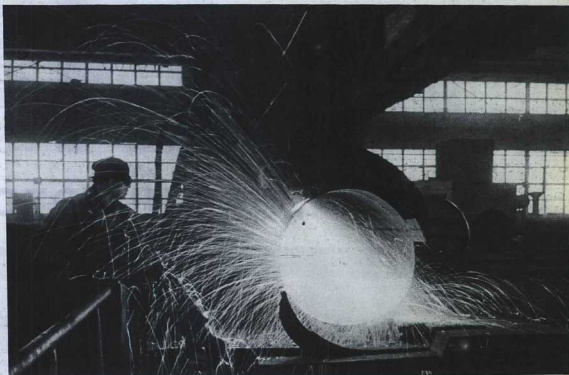
Обработку кромок труб ведет опытный газорезчик комсомолец Николай Бронцкий.

Фото Д. МИСКЕРА

Бурный рост экономики Советского Союза приводит в ярость поборников экологической войны. Особенно острый разлад вызывают наши успехи у равновешивов Бонна. Вопреки воле западногерманской общности власти ФРГ, как известно, ввели эмбарго на поставку в Советский Союз стальных труб, надеясь тем самым затормозить строительство магистральных трубопроводов в нашей стране. Но господ из Бонна крепко просчитались! Ни на минуту не прекращаются работы на прокладке нефтепровода «Дружба», на сооружении газопровода Бузара—Урал и на других стройках.

В ответ на враждебный акт, направленный на ухудшение отношений между СССР и ФРГ, работники советской промышленности в короткий срок резко увеличили выпуск крупногабаритных труб. Непрарывно отправляют из строителям челябинцы. А на наших симках—продукция Ново-Московского металлургического завода, что под Днепрпетровском, где имеется поточная линия по производству труб диаметром в 1020 миллиметров. Скоро коллектив Ново-Московцев подготовит и введет в действие вторую подобную линию.

А в это время западногерманские фирмы терпят колоссальные убытки. Их продукция лежит на складах мертвым грузом.

— Гуляла с Жуковым.—Васяня продолжал трогать губу. Сыр оказался невкусным. Астахов, отвернувшись в сторону, плюнул. Ну и черт с ней, с Маринкой! Только с Ирой все равно ничего не выйдет. Он обзавел ей верить, но не обзавел любить. И еще Виктор подумал, что диек пять пройдет, прежде чем Ира получит его письмо — пустой конверт, в который вложено нерасторопное письмо инженера.

— Брось дурачить, — сказала Аня.—Гуляла, чтобы помазать драке. — Ты заметил, что Жукова среди них не было? — спросил Никитин. — Она думала, что Шутова на ползает один.

— Спасибо за сыр, — поблагодарила Виктор.—Приходите ко мне в гораде! — Сыром не отделаешься, готовь сыреЦ! — крикнул Василий адо-гоныч.

Астахов помазал рукой. Целуйтесь, черти! И не делайте вид, что вы сильные.

Он прошел мимо мельницы. Перевикот старину усердно скрипел крыльями. Мальчик приоткрыл дверь — борода в мучке, что-то шепчет, призыв говорить сам с собой в одиночестве.

Виктор подошел к птицеферме незаметно, со стороны кустарника. Дважды Марина перебежала от одного кортуса к другому, энергично рывками ногами. Совсем как мальчишка. Плать высоко подпрыгивало. Виктору было стыдно, но он с трудом отогнал от себя мысль, какие у нее точные икры и там, выше колен.

Потом, когда стемнело, он увидел, как она с подружками идет в село. Он немного подождал и пошел к ее дому. Скринула дверь, и он перест слышать ее шаги. Войти или не войти! А почему не войти! И замес себя об этом спрашивает!

Он громко щелкнул языком, и наступил внутреннюю дверь, постучался.

— Ой, Витим! — прыгнула к нему Марина.

Только тут он почувствовал, что носовое промок. Плащ через ручку, рубашка прилипла к лопаткам, а под ногами лужи.

Она заставила его сидеть. Божовен и шаркнула ему собственные тапочки. Сидя за столом, Виктор гладил пальцами ног досювые стельки тапочек. — Дураки, — внезапно сказала Марина.

Виктор вздрогнул. Надо было так бить, чтобы память на дурное отбыло. Жуков нам сказал, что у Шутова был нож. Значь, как а переугуласть! Ночью к Петке бегала. Лежит, сплочив, охает. Сказал, что не успел вынуть финку. Астахов внимательно смотрел на нее. На фотографии Ира, может быть, красива. Но не верь фотографии. Не верь письмам. И не верь силе характера, если о ней много говорят.

— Не веришь? — спросила она.

— Тебе верю, — ответил он.

— Хорошо, — сказала Марина и, отвернувшись, замолчала.

— Марина, у тебя сильный характер! — спросил он внезапно.

— Слабый — прошептала она. Блестящие, влажные глаза, полуоткрытые губы... Она дрожала в его объятиях и, улыбаясь после каждого поцелуя, продолжала шептать: — Слабый, слабый. — Внезапно она вырвалась из его рук и встала у двери. — Я гуляла, — зло и спокойно сказала она. Подождала, потом шаркнула глаза и встала против него. — У тебя есть девушка, и ты ее любишь?

— Марина, все это очень сложно, но тебе не о чем беспокоиться, — с трудом проговорил он, все еще не веря, что он только что обнимает ее.

— Поклялись! — приказала она. Он почти чувствовал, как по его лицу металиси гневные прекрасные зрачки Марины.

Виктор встал и, подойдя к ней вплотную, положил ей руки на плечи.

— Я люблю тебя. Тут ни подлости, ни глупости.

Он чувствовал, что она плохо понимает его, но подчиняется ему. Ее припухшие губы прошептали:

— Сейчас мама придет...

Виктор с трудом просутил ноги в мокрые ботинок, азал в руки плащ и вышел на улицу. Дождь поростал. Луна делила село на темную и светлую части. Из степи поднялся холодок.

Марина догнала его у самого дома. Она обхватила его шею руками, и он нес ее наугад.

Они сели на какое-то бревно. Он завернул ей плащом ноги и крепко прижал к себе.

— Скоро вы увидите, — вздохнула она, и он содрогнулся от этого напоминания.

— Я приеду к тебе на зимние каникулы.

— А знаешь, мы можем никогда встретиться в Диканько. Ты доберешься поездом, а я на машине. Хорошо?

— Хорошо.

— А потом я сдам в сельхоз на заочное. Хорошо?

— Хорошо.

— Письма? — переспросила она. — Я обожаю письма. Такие пухлякские и перерисанные начисто...

— Дурак, — сказала она и еще плотнее придвинулась к нему.

Фотоочерк
М. МУРАЗОВА

ДОМА НАЧИНАЮТСЯ С МЕЧТЫ

Еще до первого шага первого новосела, даже до того еще, как экскаватор вынет первый кубометр грунта из котлована, дом уже создан, он уже начал свою жизнь. Уже есть на земле такой человек, который прошил по всему его комнатам. Этот человек — архитектор. Начало дома в сердце его заветов, дом начинается с мечты.

В Ереване, в институте с таким, казалось бы, прозаическим названием «Араго-Сирван», я встретился с поэтами. Мне показывают макеты будущих жилых зданий, будущих театров, будущих школ Армении. Вот макет застройки жилого района. Рассказывает о нем молодой архитектор Артур Тарханян:

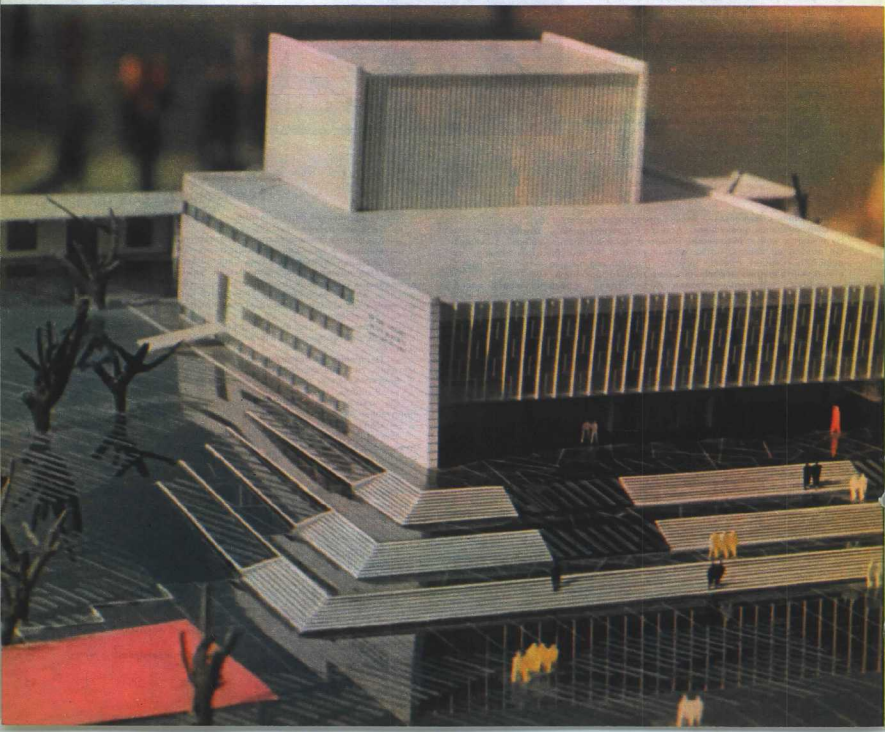
— Это будут двенадцатиэтажные (и руна Артура движется вдоль стола, параллельно его поверхности) и восемнадцатизатяжные зда-

ния (руна резко взмывает вверх). В одном микрорайоне мы поместим все, что нужно его жителям...

Один из заветов провекста жилого района, недавний студент Ереванского политехнического института Артур Тарханян, уже знаком с жителями «своего» района, он уже знает, как они будут жить.

— В этих квартирах, — продолжает он, — будет по пятнадцать метров площади на человека. А число комнат... — И он произносит первую формулу, с которой мне пришлось встретиться во время этого разговора. — $N = m + 1$, где N — число комнат, а m — число членов семьи. А вот в восемнадцатизатяжном доме мы поселим холостяков... — Артур, — говорю я ему, — а ведь холостяки, они ведь могут пожениться, а? И Артур шутит: — Ну, это будет убежденные холостяки...

Молодые архитекторы А. Тарханян и Г. Погосян обсуждают новую идею, которую они, возможно, скоро применят на практике...

Вот меня подводит к другому выводу. Белое изысканное здание. Словно ладони руки, оно широко распахнуло навстречу людям плавные, спокойные линии. Это имеет драматического театра в Ленинкане. Его авторы — тоже молодые архитекторы С. Сафарян, М. Микаэлян, Ю. Сафарян и Р. Багдасарян.

В середине двадцатых годов по проекту академика Таманяна началась постройка — да что я говорю! — построена нового города. На месте заколупистой Эревань выросла столица Советской Армении — Ереван. Как преобразился с тех пор армянские города! Небольшое местечко Киракилис превратилось в третий по величине промышленный центр Армении — Кировакан. Александрополь, о котором в дореволюционных путеводителях писалось что «город довольно уныл с его коробочными постройками».

В этом театре должны идти только хорошие спектакли. Молодые архитекторы С. Сафарян, М. Микаэлян, Ю. Сафарян и Р. Багдасарян создали хороший подарок всем ленинканцам. ↓

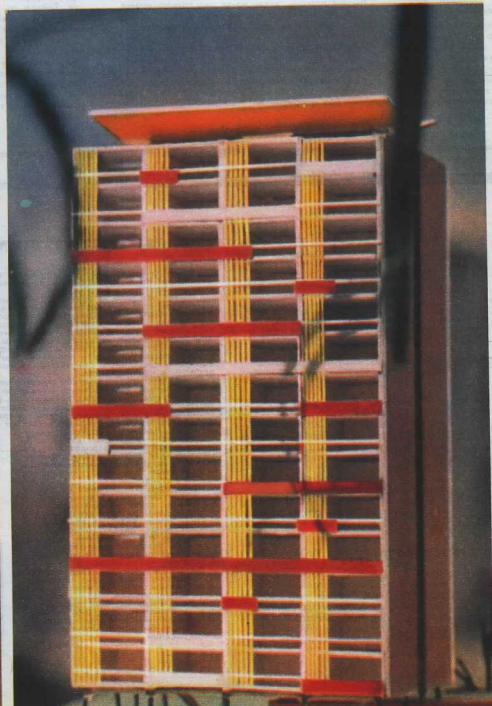
В таких светлых, красивых школах будут учиться советские дети. Авторы проекта — А. Тарханян, М. Микаэлян и Ю. Сафарян.

ми из черного туфа», — теперь Ленинкан с просторными площадями и широкими улицами. Но здесь, в «Армгоспроенте», думают о том, как сделать города своей земли еще красивее. Наследники Таманяна — молодые армянские архитекторы — проектируют города недалекого будущего.

Их еще нет, этих городов. Еще не пришли на пустыри бульдозеристы и экскаваторщики, еще загорелые шиферы не везут на стройплощадки бетон и камень, но города и дома уже созданы. Уже есть люди, которые видят их — от фундамента до манушек телеантенны. Они разные, эти здания, как и люди, мечтающие о них. Ведь начало каждого дома в сердце его автора.

Архитектура этого здания проста, изысканна, рациональна. Также жилища дома очень удобны в южных городах страны.

Глядя на чертежи, копирующая А. Ерицян видит, быть может, город, построенный уже на земле.

Метом прошлого года наш траулер проманил старую в водах Атлантики. От Борга, собственно, довольно далеко, лишь за полвека, если не больше. Поэтому мы были очень удивлены, когда однажды утром увидели маленькую фелого под флагом Конго. Выходить на таком суденышке в открытый океан опасно. И, помнящие, сколько отсюда до Конго!

Фелого вела себя странно. Весь день конголезские рыбаки следовали за нами. Когда мы шли с тралем, потом быстро на нас очень малая, фелого тоже сбавляла ход или ложилась в дрейф, потом быстро нас догоняла. На ее реях были развешены рыбацкие сети, но мы ни разу не заметили, чтобы их закидывали в воду.

Мы долго гадали, что ей нужно. Наконец, уже в сумерках, фелого подала световой сигнал: «Просту принять на борт моего человека».

На флаг многогранной родины Патриса Лумумбы мы смотрели с уважением, однако принять иностранца в океане наш капитан согласился не сразу, спросил, чем может служить фелого ответила: «Нуждается в вашей помощи».

Сигналами много не говор ourselves. Длин «доброй».

Вскоре, подпрыгивая на волнах, к борту траулера причалил утлая пирога. По штурману к нам поднялся среднего роста, сухощавый африканец лет двадцати, сем. На нем была плотная серая рубашка, такого же цвета брюки и легкие парусиновые туфли.

— Доктор Мартин де Бангура,— представился он по-английски.— У нас большая, ему нужен врач. К несчастью, я только юрист.

И тут выяснилось, что рыбацкие сети на фелого были максировой. Тайно от португальских колониальных властей на этом судне в Конго превращалась доставка партизанских оружия, действующая на юге Анголы. В то время в столице Конго Лиссабоне уже действовал специальный комитет Организации Объединенных Наций по португальским колониям.

ЖИЗНЬ В КОНГО

Александр ИВАНЧЕНКО, специальный корреспондент «Смены»

Анголезские партизаны хотели участвовать в его работе. Доктор Мартин де Бангура был руководителем делегации и капитаном фелого.

Когда под покровом ночи они вышли в океан, один из товарищей тяжело заболел — острый приступ аппендицита. Нужна была срочная операция, а врача на фелого не было. Возвращаться назад отживное судендушко тоже не могло. Оно едва ускользнуло от морского патруля. Осталось просить помощи у прохаживающих иностранных судов. Всю ночь они шли на запад, туда, где пролетала большая океанская дорога между портами Европы и Южных Африки. На полути им попался наш траулер, и они не пошли дальше. «Советский корабль — помогу обязательно».

На беду, наш доктор был терапевтом. Мы все расстроились. Целый день люди пилили за нами, ждали, надеялись. Может, кто-то успел бы им помочь, а так из-за нас только время потеряли. Конечно, нашей вины в этом не было, и все же мы чувствовали себя виновато.

Взлегло большого на траулер. Доктор сделал ему укол, давал какие-то лекарства, но у бедняги не хватало сил даже проглотить таблетку. Мы добрейший Василий Павлович, тяжело переживавший свою беспомощность, мрачно сказал:

— Без операции не протянет и суток.

Мы охотно пошли бы в ближайший порт, но такой возможности не было. Все ближайшие порты принадлежали Анголе, там большого навстрелка бы арестовали.

Перья слали радисты. Прослушавая эфир, они установили связь с прохажившим в ста милях от нас советским танкером. Он шел с грузом для наших антарктических китобоев. Танкер сменил курс и повернул нам навстречу. Через четыре часа беду был в саняхи танкер, затем снова на траулере, а еще через сутки — на своей фелого.

Пока беду находился на траулере, все анголезцы с фелого переселились к нам. Их погрузили мы приврашивать к своему борту. Мартин жил в моей каюте. Я узнал всю его жизнь.

Отец Мартин был мулатом, незаконнорожденным сыном начальника полицейского участка, фактического хозяина большого округа. Тайком от высшего начальства он определил сына в школу, а потом устроил клерком в контору одного португальского купца.

Так отец Мартин «достуился» статуса «кассиада», то есть ассимилированного. По закону национально-экономический Португалии, «кассиада» может считаться лишь тот африканец, кто грамотен и без акцента говорит по-португальски, исповедует католическую религию, сдает экзамен по истории метропо-

Как обнаружить трещину?

Чехословацкие ученые разработали метод обнаружения и измерения трещин в строительных материалах: бетоне, фарфоре и т. д. — с помощью теплопроводящего лака. Лак наносится на поверхность материала, и через его проскакивает электрический ток. Слой лака нагревается, в местах трещин тонкая. Новый способ позволяет обнаруживать трещины менее 0,001 миллиметра.

Лечение близорукости

Польский профессор медицины Тадеуш Кравчик предложил новый, хирургический способ лечения близорукости. Он состоит в разрывании тонкой оболочки около 0,2 миллиметра. Образуется небольшое углуб-

Операция без анестезии

Во Франции недавно успешно проведена операция аппендицита без применения местной анестезии. Во время операции зачала запись мускульных произведений, чередовавшихся со словесными наставлениями. Операция длилась 37 минут. Оперированный — 30-летний рыбак — после операции заявил, что боли он не чувствовал. Эксперимент провел французский ученый, который предварительно в течение нескольких недель подготавливал пациента, приговаривая в определенное время наставления, и давая словесные наставления.

ПУГАЛО ДЛЯ КИТОВ

Многие слышали рассказы о нападении китов на китобойные суда. Как предотвратить эту опасность? Недавно заметили, что китов отпугивает ультразвук с частотой от 15 тысяч до 80 тысяч колебаний. Обычный эхолот может использоваться в качестве пугала. После включения эхолота киты не осмелевают подходить близко к судну.

ление и поверхность роговицы изменяет свою кривизну. В результате этого меняется фокусное расстояние, и зрение восстанавливается. Пять человек, которым была сделана эта операция, теперь хорошо видят.

Здесь будет землетрясение

Когда на нашей планете произойдет очередное землетрясение? В каком месте? Каким силам? Дать исчерпывающие ответы на такие вопросы современная наука пока не может.

Но вот об одном из будущих землетрясений уже сейчас известно все. Произойдет оно в конце нынешнего года. Его эпицентр — район Янг-Базара, недалеко от Ташкента. Сила — до десяти баллов. Мало того, известны даже его последствия. Оно разрушит несколько зданий, убьет немало людей. И именно сейчас начинается строительство новых жилых корпусов. Дело в том, что землетрясение, о котором речь, будет искусственным. И проводится оно по заказу многих научных и государственных организаций, решающих испытать прочность различных сейсмостойких конструкций, применяемых в современном строительстве.

Такой эксперимент осуществляется впервые в мире. На площадке в районе Янг-Базара возведут несколько четырехэтажных зданий различных типов. Сначала их проверят на статические нагрузки. Мощные резные сваи будут натянаты спиры, прикрепленные к корпусам, а потом ослабят натяжение. Затем на крыши зданий установят инерционную машину. С ее помощью испытают конструкции на вибрационные нагрузки. Наконец, корпусы подвергнут действию подземных взрывов. Их будет несколько, от 20 до 30 кг в сутки поочередно. Для этого буровыми сооружениями на площадке несколько десятков сваев заглубят в 30—40 метров.

Интересно, что в одном из зданий строители смонтируют все линии водопровода, газа, канализации, а в оконные рамы вставят стекла. Работать с этими домами возведут обычные несейсмостойкие двухэтажные кирпичные здания с деревянными перекрытиями. По этому эталонному корпусу и будут определять силу колебаний.

Вместе с учеными Ташкентского научно-исследовательского института строительно-механических работ, военными осциллографами, датчиками, сейсмометрами, в наблюдениях примут участие и инженеры. Они запустят различные моменты испытаний и создадут фильм об искусственном землетрясении.

В. ИВАНОВ

АПОКАЛИПТИКА

ли. Что особенно важно, насилием надо должно иметь доход на каждого члена семьи не ниже прожиточного минимума культурного европейца».

Итак, Мартин ушел в Луанду, вначале в средней школе, потом в военном морском училище. Получил диплом капитана малого плавания, но работать на море не захотел. Уехал продолжать образование в Лиссабон. Там он окончил юридической факультет и в 1961 году вернулся в Анголу. По дороге в город Лобиту, где жили его родители, он узнал, что отец и мать убиты. В Анголе разгорелся восстание. Без суда и следствия расстреляли всякого, у кого в доме находили хотя бы карандаш.

Мартин ушел в партизаны.

В тот вечер, когда он поднялся на борт нашего траулера, мы разговаривали на кормовой палубе, у трапа. Все стояли. Рассказывая, кто они и куда идут, Мартин сдержанно морщился и чуть переминялся с ноги на ногу. Было видно, что стоить ему больше. Кто-то из матросов принес саманяту. Англичезел сел, смущенно улыбаясь:

— У меня сломали ступни.

Все были обеспокоены судьбой больного аппендицитом и на слова Мартин как-то не обратили внимания. Потом в каюте, когда мы ложились спать, я увидел на его ногах бинты. Они меня даже испугали. Забинтованы все ноги, от ступней до бедер. Бинты очень неважно, они почернели и сплелись. Я хотел было бежать за врачом, но Мартин поймал меня за руку:

— Не надо, доктор нужен там. У меня только оногот, это не страшно.

Он рассказал мне жуткую историю. Привожу ее здесь так, как она записана в моем блокноте.

Район наших действий — Камбеда, между Новым Лиссабоном и Бенгелой. Там проходит железная дорога от моря через всю Анголу до Элизабетвилля. Партизан в этом районе трудно: местность открытая. Вы не видели африканскую саванну? У нас она на возвышенности, но ровная, как стол — горное плато без леса. Мы базировались в двенадцати деревнях. Днями скрывались в жнижных крестях, а ночью устраивали нападения на железнодорожные узлы и отдельные воен-

ные части. Были в отрядах и такне, которые днем работали на плантациях. Они тут жили всегда. Мы старались, чтобы португальцы не узнали, какие деревни партизанские. Если в ночные бои отступали, то в другую сторону. На север отступали и оттуда нападали, а деревни были на юго-востоке. Перед операциями нам приходилось делать большой круг.

Я думаю, как кто-то предид. Все наши деревни картели уничтожили в один день. У нас было мало патронов: мы не ждали картелей. Сначала они стреляли беглыми огнем из пушек, снаряды дожились возле сарая. Потом шли цепью и непрерывно стреляли из автоматов. Подготовка длилась, наверное, часа полтора, мы успели ступить свои силы. Нам хотелось, чтобы убедили крестьяне. Но в деревнях была паника. Крестьяне бежали по воронкам от снарядов с криками:

— Лубурам! Лубура зенга! Смерть! Смерть! Было много жертв. Солдаты убивали даже детей и беременных женщин. В наших отрядах погибло больше пловников.

Мы отошли на юг, в саванну. Там высокая сплюснутая трава, выше человека. И очень густая. Мы надеялись, что картели сюда не пойдут. Они действительно нас так и не дождались, но три дня подряд в воздухе кружило много самолетов. Неполные бомбы сыпались, как адский дождь. Они подожгли нас саванну. Мы уходили на юго-запад к морю. Огонь нас обгонял, он был кругом и омерзгал нас, то шел навстречу. Саванна горела везде. На четвертый, пятый и шестой день пришлось идти по колее на дымящемся пепле. Мы обматывали ноги тряпками, но это помогало только на короткое время. Тряпки загорались и жгли еще сильнее. На мне были крепкие ботинки, их хватало, может быть, на полдня. Скоро у нас не стало ни тряпок, ни обуви. На тряпки мы наделали всю одежду. Некоторые не выдерживали, падали в огонь и обгорали. Их поднимали и несли, но тогда падал тот, кто нес. Последние сутки мы бежали, не останавливаясь. Если останавливался хоть на минуту, было невыносимо больно, а так жгло меньше, было чувствовалось, только когда ноги сквозь пепел проваливались до земли. Она была горячей пепла и жгущая.

Нас мучил еще и голод, пищи у нас не было совсем. Возможно, мы больше хотели пить, сейчас трудно сказать точно.

На седьмой день мы вышли к реке. Она извивалась нас от прожженного пепла. За рекой — район Катара, приморские банановые плантации. Каратели здесь не было. Очевидно, они рассчитывали, что мы погибли в огне. Но мы вышли. Местные крестьяне помогли нам привести себя в порядок, дали одежду и бинты. Надеюсь мы отдыхали в банановых зарослях, потом перебрались ближе к Лобите. Шлаб зрелище возобновить боевые действия.

В Лобиту мы узнали о работе комитета в Конго. Меня назначили руководителем этой делегации. В Леопольдвилль должна прибыть и делегация северных отрядов: на севере у нас центр освободительного движения...

Я не знаю, что меня тогда спросило больше — те укасы, о которых говорил Мартин, или мужество этого человека, спокойно переносившего боль в обожженных ногах.

— Вы верите в помощь Организации Объединенных Наций? — спросил я.

— Мне хотелось бы это выяснить в Леопольдвилль. Определенно я могу сказать сейчас только то, что сдаваться мы не собираемся.

Я спросил, каков у нас вооружение. — Первые месяцы у нас были только мачета. Больше ножи, которыми рубят северный тропический лес и пригороды Нового Лиссабона мы обнаруживали склад старых португальских ружей. Они годились разве для театральных постановок, но лучших не было. С этими ружьями мы обрели и взрывчатку. Пару автоматов «Узи», сделанных в Израиле. Теперь оружие у нас хорошее, современное, нам только не хватает патронов. Колонизаторы пока неизмеримо сильнее, но в деревнях в наши страды идут все кого мы хотим. Мы с оружием к нам переходят сами. Это наши ангелы, которые были завербованы карателями. Конечно, мы несем потери, скраться против артиллерии и самолетов нам тяжело, но у нас есть перспектива. Я думаю, борьбу мы закончим победой.

Игорь ГРУДЕВ

БАЛЛАДА О ТОПОЛИНОМ ПУХЕ

Над дорогой,
над краями
тополей шумливых рад,
Семена их болотные
пухом по ветру летят.

Всё Россия в тейлой свежести!
А пушички так легки,
На лету с ребячьей нежностью
Чуть касаются щеки.
Зачем-то в душу всколку —
Юной силой заглясли! —
И в настояшностью мягкою
Свет!

Свет жизни!
Зримо в воздухе он носится,
Вызван радостью,
не испугу...

Он слышнее пыла стропиц,
Тополяный этот пух!

***

Кору березы расскал,
Глазком желтым чернила раяка.
И слезы шилом текли
В подставленную кем-то банку.

И так, наверно, час пролеж,
От бола пахлака береза.
А тот бес медля и не шел,
Кому сладки чужие слеза.

Ходжагельды НУРМУРАДОВ

ЖИВАЯ ВОДА

Каждый год я тебе возвращаюсь весной,
Чтоб потрогать недолгий летний вечер...

А потом начинается ветер и зной,
Высыхает трава... Наступают пексики.

И не всяком этим горчички пексики.
И, когда я сейчас сочинию стихи,
Я, как прежде, подполсам иду
по пексику.

И протяжные песни поют пастухи.

А о чем свои песни поют чабаны!
В эти песни такные простые слова,
И свои отары овей и коней табуны...
Исчезают пексики... Зеленеет трава...

И не будет на свете прекрасней земли,
И в живую водой поствращается зной...

Каждый год я к тебе возвращаюсь весной,
Возвращуюсь весной...

Перевод с туркменского
А. ПЕРДИБЕЕВА.

САШКА БУДЕТ МАСТ

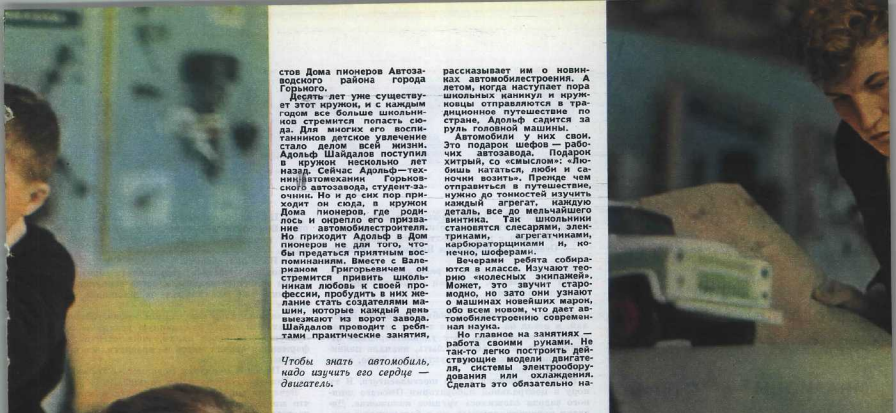

В. ТЮККЕЛЬ,
специальный кон-
«Смена»

*Цех Горьковского
завода нередко
аудиторией для
автомобилистов
(справа слева):*

*На этом заводе
их отец и мать
ребята пришли
экскурсанты, а
быть может, ста-
ли новых за-
машин.*

ство Дома пионеров Автозаводского района города Горького. Десять лет уже существует этот кружок, и с каждым годом все больше школьников стремится попасть сюда. Для многих его воспитанников детское увлечение стало делом всей жизни. Адольф Шайдалов поступил в кружок несколько лет назад. Сейчас Адольф — техник-автомеханик Горьковского автозавода, студент-заочник. Но и до сих пор приходит он сюда, в кружок Дома пионеров, где родилось и окрепло его призвание — автомобильостроитель. Но приходит Адольф в Дом пионеров не для того, чтобы предаться приятным воспоминаниям. Вместе с Валериемом Григорьевичем он стремится принять школьную любовь к своей профессии, пробудить в них желание стать создателями машин, которые каждый день выезжают из ворот завода. Шайдалов проводит с ребятами практические занятия,

Чтобы знать автомобили, надо изучать его сердце — двигатель.

рассказывает им о новинках автомобилестроения. А летом, когда наступит пора школьных каникул и кружковцы отправляются в традиционное путешествие по стране, Адольф садится за руль головной машины. Автомобили у них свои. Это подарок шефов — рабочих автозавода. Подарок хитрый, со «смыслом»: «Любимы нитаться, любви и саможны ездить». Прежде чем отправиться в путешествие, нужно до тонкости изучить каждый агрегат, каждую деталь, все до мельчайшего винтика. Так школьники становятся слесарями, электриками, агрегатчиками, карбюраторщиками и, конечно, шоферами.

Вечерами ребята собираются в класс. Изучают теорию электротехники, электромеханики. Момент, это звучит старомодно, но зато они узнают о машинах новейших марок, обо всем новом, что дает автомобилестроению современная наука.

Но главное на занятиях — работа своими руками. Не так-то легко построить двигатель, системы электрооборудования или оклепанную деталь. Сделать это обязательно на-

Не за горами летние каникулы. И опять Адольф Шайдалов — самый «старый» класс кружка — съедет за руль машины, на которой ребята отправятся в путешествие по стране.

до на «отлично». Чтоб не было стыдно, когда плоды твоего труда увидит другие. Ведь модели не остаются в стенах Дома пионеров. Они передаются горьковским школам. А недавно комсомолец подарил Артуру, ребята назвали посылкой. Четыреста бывших кружковцев работают сейчас на Горьковском автозаводе. Это мастера своего дела. Деятельно ребят, среди них и Сашка, занимается ныне в кружке. Пройдет несколько лет, и они тоже станут мастерами.

Сашка впервые попал на занятия автокружка. Для него здесь все пока выглядит таинственным и непонятным.

ЕРМ

репортёр
до автозавода становится в будущем (верный)
работают на. Сегодня сюда как в будущее, путь творца-мечтателя

В эту комнату Сашка попал случайно. Вообще-то сюда ходили только старшие, а для такой «авиации», как Сашка, она была запретным царством. Но, протиснувшись однажды дверь, мальчик застал в оцепенении: так здесь было интересно! Широко раскрытые Сашкины глаза перебрали с одного настенного щита на другой. На них был автомобиль, разобраный до последнего винтика. Висяли колеса и «чужие» от него, стол, мотор, четверть которого попросту была отрезана. Сашку заметил преподаватель Валерий Григорьевич Дюринов, который что-то объяснял толпившимся вокруг него ребятам. — Тебе чего, мальчик? — Здорово у вас тут! — Ну, раз нравятся, садись за стол. Так Сашка стал членом кружка юных автомобили-

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ КОГДА ОПУСКАЮТСЯ РУКИ ВЕКСЕЛЬ ПЕТРА ВОРОНЦОВА ОТКРЫТИЕ? ДА, ОТКРЫТИЕ МИЛЛИОНЫ В ОТПАЛАХ

ков отражалось пылающее закватою небо. У обочины пролегло что-то слышно дребезжащее, ветер обрывал с них пожелтевший листы.

— Осень, а? — пошептал Воронцов. — Рановато бы...

— В свою очередь, — любил повторять Николай, и когда на заводе был создан институт рабочих-исследователей, он с удовлетворением отметил: так оно и должно быть, вначале появились общественные конструкторские бюро, а теперь вот — институт...

Институт родился летом шестидесятого. В ту пору в центральной лаборатории Омского шинного завода сложилось трудное положение. Десятки новшеств, важных, но в большинстве случаев лишь вечерних наметочных изобретений в доброту непроизводственно в цехах. А дело выдвигалось туго.

Новинки испытывали и «доводили» рабочие. Они точно, безупречно выполняли указания инженеров, но... только выполняли. Рабочий не знал ни сути замысла, ни цели эксперимента. Просили повысить температуру — он повышал (всего, что ли!), давали указание изменить режим — изменял и режим... А вода объясняла ему смысл опыта (а он помог бы скорее найти дорогу к успешному решению задачи).

Тогда-то омские шинники и решили создать общественный институт рабочих-исследователей. Сказали для того, чтобы рабочие могли активно помогать ученым и инженерам в их поисках. Это был первый в стране институт такого типа...

Звание рабочего-исследователя ко многим охотно обменяли. Потому, когда молодые альфонсовки Гавриленко и Воронцов думали о том, как стать сотрудниками института, перед ними постоянно возникал один и тот же вопрос: какую валлону выбрать или совет институту, что бы лучше сделать на своем участке? Они выбрали шифер — не тот сероватый, хрупкий шифер, который называют асбесто-цементным, а резиновый, гибкий, стойкий, не боится удара, крошечный шифер из отходов лигнинового корда. И казалось альфонсовкам, что на участке протехники, где они работают, нет протера для новсека... Так, может, попробовать что-нибудь другое?

С этим они и зашли однажды в совет института. Привинчив беречь и свое и чужое время, альфонсовки без лишнего слов заглянули, что готовы выполнять такие задания. «Только на нашем участке», отметили они с сожалением, — исследовать? вроде нечего...» Цейтлин улыбнулся. Его возражения были предельно ясны. Сутью их сводилась к столь же простой, сколь и общезвестной мысли, что практическое творческое сие возможно на любом участке, где бы ни трудился человек, в том числе, естественно, и на участке протехники. Он сказал, что нужна валлонка на носке.

— Подумайте о шифере. Его пока мало. Ведет если завод будет отгружать его даже по двести машин в день, то все равно будет мало.

Это альфонсовки знали. Каждый день еще толкателью носке судачились листы гравия прямо у цеховых ворот на машины. Слово торопило — давай и давай! — потому что в области широко развернулось строительство животноводческих ферм.

— Подумайте и — милости просим! Провло несколько дней, но «светлые идеи» не приходили... Что тут придумать? Скорость валлдов не увеличивай, да и этого это не даст: человек протсе не справляется с возросшей силой валлвы резины. А что еще? Это «что еще?» и мучило обоях. Мучило до тех пор, пока Гавриленко не обратил внимание на большие осколки валлвы, на которых давно никто не работал.

— На них черта можно перемолоть... снавал ош... В итоге — валлонка, в итоге — рубит попербова капроновый корд валлвовать — рубит в валлу.

— Надо попробовать. Воронцов побелел расмыслить бригадiera, чтобы выловить валлвы, а когда вернутся, Гавриленко уже хохляничал на площадке, готовясь к работе.

В валлцы полетели осколки корда. Николай выхватывал снаву изжалованную резины и снаву пропускал ее черза валлцы, снава тугая, безформенная черная масса не превратилась в ровную ленту.

— Порядок! — сказал Воронцов. — То, что надо. Теперь давай на валлу валлцы. Вечером они пришли в институт и заглянули, что могут повысить выпуск шифера процентов на двадцать пять.

Цейтлин оживился.

— Вот это деловой разговор. Ну, выкладывайте.

— Дело в валлцах, — начал Гавриленко. — Мы работаем только на одном, на малых валлцах. А теперь подключили вторые. Они стоят рядом. Выступы там железной формы, перемалывают любой корд. Заготовка получается без единой ровнины. На этих валлцах мы делаем как мы поручают обработку корда, снава переносит заготовку на малые — для окончательной, что ли, отделки.

— А вотера времени? — Потеря есть. Небольшая, но есть. Но все таки в итоге — выигрыв. Мы стали делать снавы не одну, а две заготовки сразу: лент получается вдвое длиннее. — Гавриленко помолчал, словно раздумывая, не добавить ли что еще, но решил, что — много и так: — Слово, это и есть снава заявка.

Цейтлин пододвинул альфонсовкам столку бумаги.

— Выложите все это подробно. — Альфонсовки еще раз продемонстрировали свой способ. Эксперимент закончился, можно было начинать работать на двух валлцах. Начальство несмотрительно на «заче» молодых рабочих не то чтобы косо — скорее равнодушно, не вмешивался в дела исследователей... Но когда да работа с двумя валлцами потребовалась пресовщик, свободного человека на участке не оказалось.

Это был первый «подводный риф», который встал на пути друзей.

— Ладно, — сказал Воронцов, — прессам пойдя я. Перечущусь... Лишняя специальность не помешает!

И скоро инженерке рабочих-исследователей появились первые записи:

«5 ФЕВРАЛЯ. С сегодняшнего дня начали работать по-новому. В бригаду вошли: Николай Гавриленко — альфонсовки, Петр Воронцов — прессовщик, Мария Свириденко — обрезающая. Выработка довели до 228 листов шифера при норме 186... Такую выработку можно поддерживать на валлцах и прессах постоянно...»

«18 ФЕВРАЛЯ. Сегодня дали 266 листов. Пробовали добавлять обрезающую иллюзионной резины... Это в валлоте мере замедляет работу на валлцах, но вдвое сокращает время вулканизации. Шифер получается более жестким и прочным...»

И, наконец:

«5 МАРТА. Промел месяц после внедрения нового способа. Выработка шифера составила 136 процентов в старой норме. Мы дали на 1050 листов больше, чем за такое же время раньше. Если добавить выработку до этого уровня по всем четырем бригадам, мы сможем каждый месяц давать 4 200 листов сверх плана. За год это составит более 50 000 листов — около 40 000 квадратных метров...»

Если поднять во всех бригадах!

Они пришли в институт и принесли лист отслаивающего глянце шифера. Их там ждала с нетерпением. Заместитель председателя совета института Илья Михайлович Цейтлин удивился:

— Как, уже готово?

— Не, не ожидая ответа, стал рассматривать лист. Шифер как шифер. Попробовал согнуть — лист податливо согнулся. Прижнул все — нормальный. Пошмыгал отломать уголок — безупречно.

Цейтлин аккуратно приложил лист к столу и весело заглянул на рабочих.

— Значит, получилось?

— Как видите...

— Сколько здесь корда?

— Процентов пятьдесят.

— Так. Ну, молодцы. А что теперь?

— Теперь надо заняться прессами. Чертежи готовы.

— Нет, а о шифере. Что дальше?

— Пусть думают в совпархозе, мы свое сделали.

— Э, нет. Точку ставить рано. Надо отработать технологию. — Цейтлин кивнул на кучу лопавших на столе кусков: — Указку на других заводах — полетят запросы.

— Ну, уж, Илья Михайлович...

— А что? Кому не захочется поднять с земли миллионы... если не сотни миллионов? Ну, что скажете, хлопцы?

— Ладно, прессы... — сказал Воронцов. — Только сначала переделать тоже надо.

Они вышли на улицу. Вечерело. В окнах це-

Рабочие-исследователи Петр Воронцов (слева) и Николай Гавриленко.

Эта мысль не выходила из головы. Вальцовщики понимали, что нормы выработки на участке угасли, работа на двух вальцах устарела, новые возможности нужно было поиметь нормы, считали ребята. Пусть не на двадцать, пусть хотя бы на десять процентов, но можно. Это реально, это подтверждено строжайшим хронометражем. «Предлагаю начальству», — посоветовали им в институте рабочих-исследователей. «Надо будет» — подтвердили — заверили их в заводском отделе организации труда.

Выслушав ребят, начальник участка поморщился: — Хотите, чтобы нам увеличили план? Гавриленко усмехнулся: — А что очень плохо, если увеличат план? — Судите сами... — Начальник не заметил, а может быть, и не хотел заметить иронии; он говорил сухо, глядя куда-то в сторону. — Поверит ли плановик в отстающих. Это уж как знать. Улыбнется тогда в приемный кабинет. Да и кому захочется за те же деньги... — Сейчас, конечно, спохватнее... — захмурился директор. — Но повысить нормы все равно придется. Не сегодня, так завтра.

В дневниках рабочих-исследователей Гавриленко все новые и новые записи. Но раз в две недели рассказывал о том, что творилось на участке протекционки, с каким упрямством отстаивал старые нормы начальство, доказывая «ненужность» своего предложения!

Ворочцов приуныл. Сказав Николаю слово, он не задерживаясь, как бывало раньше, на рывок площадку, торжественно собрался и ушел в бытовку. Он как-то притих, стал нервато-орывчив, замкнул. А вскоре случилось то, чего никак не ожидал его друг Гавриленко.

Знаешь, старая, надолго... признался ему однажды Ворочцов, отлучившись, постучав ногой в кулак кому-то на лбу: — Крепкий таран!

По Ворочцов не шутит.

К явлению! Сколько можно доказывать? Я, Коля, наверное, уеду. Лягу на нос и лягу на Иртку. Скоро навалили мне говорящую подушку, опустил глаза и не глядя матросы. Поплаваю лето, а там...

— С ума ты сошел? Не дури.

Содеянь. Знаешь, когда прежде читал в газетках о бороздках, не смеешь зевать. А тут на свою шкуру почувствовал... Руки опускаются. И вообще... все это болтовня... надоело!

— Брось. Все будет хорошо... — сказал Гавриленко. Но с этого дня он не мог избавиться от чувства тоски.

Николай знал, как нелегко сложилось у Ворочцова житье. Рос без отца, без матери, сидел по чужим дворам, взволновался, поплакал, и только после немалого, пожалуй, стращив с себя наконец странное чувство старостенности и недвоярия к людям. Он работал на Алтае, потом перебрался в Усть-Ишим. Там, в Усть-Ишиме, случайно попал в компания вышедших из «дружков», напился, ввязался в драку и «заработал» срок... Особоившись через год, Ворочцов пришел на Омский ипповый завод, познакомился с Николаем, и тот помог ему стать хорошим вальцовщиком.

Это было год четыре назад... А недавно пошла разговоры: «Хуляган!», «Сто раз, говорят, сидел...». Подумити мрак! — первый с участка смеется, знает мы юж... Неловко сплюснулся доходя до Гавриленко, ухватил его за руку Ворочцов.

И вскоре Петр исчез. Не явился на работу ни через день, ни через десять. Николай общался гордо, задался в порт, в ресторан, побывал у знакомых, обращался в милицию — Ворочцов словно провалился сквозь землю.

Он встретил Петра случайно на улице. Талый апрельский снег совсем поочерен и осел, пахло весной, день был солнечный, ясный. Ворочцов шел, не поглядывая. Лишь его, и без того смуглое, потемнело еще сильнее, осунулось, стало каких-то чужим.

— Сорвался я, Коля, — выло сказала Ворочцова.

— Где был?

— Встретил друзей. Старых, ипповских.

— Может быть, хвятил?

— Я давно послал их к чертам. Правда, старик...

— Трудно было прийти на завод. Не мог.

— Приншел бы ко мне.

— К тебе тоже... Как там сейчас, на заводе?

— Нормально. Говорят я — пробрем. Сдался начальству! Вышло по-нашему.

Ворочцов пошатнулся и взял Николая под руку.

— На троих, что ли, тяну? — покосился на него Гавриленко.

— Нет, у меня температура. Наверно, сорок, не меньше. Купил бы таблеток, да ни копейки...

Ворочцов пробовал две недели. Он делал у Гавриленко. Николай затащил его к себе домой прямо с улицы.

Дело Ворочцова разбирали заново. Говорили и спорили долго. Он не оправдывался. Только просил дать ему возможность снова вернуться в цех.

И Ворочцов дал эти возможности.

Он шел долго, в обложките, не разбирая дороги, по жалкому снежному месиву и все еще видел перед собой смуглые лица, смуглые плечи. Но, о чем говорил в зановом, было правдой, горькой и чистой правдой.

Правдой было то, что он, Ворочцов, запятнал рабочую честь совершив проступок, за который был бы наказан. Правдой было и то, что работал он честно, на совесть. Правдой было, наконец, и сказанные инженером Наидным слова о равнодушии, которое убивает в человеке всякую веру...

И потому, что его оставил, не проявил ни в чем симпатии или жалости, говоря только правду, и потому, что там, в зановом, не было равнодушия. Ворочцов боялся: ему поверили... Он томя по снежному месиву, нахлобучив шапку, опустил глаза и не глядя на стороны. Он тихо и незаметно нес в себе свою задачу: поверить...

И злила обожала дни, и снова задалась вальцовщик в институт. Задания сыпалось одно за другим. Ворочцов был энергичен, деловит и весел. Гавриленко смотрел на него и радовался.

А Петр упал о другом. Он считал своим долгом снова оплатить тот необычный вечерек, который он дал людям. И он платил по нему не считая. Он не жалел сил, и когда, например, вместе с Николаем они предвзято перделали прессу — «кузов моста» в цехе... Ворочцов променявал ночь напролет, делал расчеты, набрасывал эскизы, то и дело бегал с планом к конструктору и заказчик... Но прикинул друг, что пресса должны были дать возможность выпускать дополнительно к плану по 150 тысяч листов шифера в год — повысить производительность труда на участке не меньше, чем на 70 процентов!

Однажды, работая на вальцах, Ворочцов пропустил через вальки вместе с кордом бумажный мекон, случайно оказавшийся на площадке. В этот момент завод погаснула светла. Пустая меконка выскочила из свитков. Ворочцов хотел выяснить, нельзя ли использовать и другие отходы: у скольким большая часть для шифера расходуется на него только чистый корд! Но бумага, избушенная вальцами, отскочила и осмыслась. Корд оказался строптивым, ему не нравилась вилордная примесь...

Ворочцов вспоминал, что, готовя резиную

месь, шпиники добавляют в нее петролатум — бурую маслянистую массу, дешевой продукт нефтепереработки. «Помогает — не пытка...» Он обдумывал кусок меконки с петролатум, бросил в вальки и — случилось то, на что он и рассчитывал: бумага вылипла в резину.

Он даже не нашел ее следов. Ворочцов принес катушку меконки и начал бросать их в вальцы. Строптивый корд отнюдь не принимал бумагу...

Петр рассказал обо всем Гавриленко.

Чудеса! — сказал Николай. — Значит, можно добавлять и опилки, и тальк, и все, что идет в уталь.

— А меконки! — засмеялся Ворочцов. — Представляешь, сколько их на заводе!

В институте, увы, о меконках, исполонившихся...

— Не может этого быть! Вы что, пробовайт?

— Да...

— Принсите пробу. Между прочим, добавка петролатума сделает шифер практически вечным!

...Вот почему Пейтлан так внимательно осматривал новейший, блестящий лист шифера, который имел самый обычный вид, подлинно где-то был таким же прочным, как все остальные. Осмотрел, аккуратно прислонил к столу:

— Нужна точная рецептура. Пиште.

Поиски начались. Вальцовщики сделали десятки проб, испытывали самые «бросовые» материалы и в конце концов разработали точный рецепт: столько-то процентов отходов корды, столько-то бумажных мекон, петролатума, талька, горелой резины... Корда шло теперь дороже меконки, чем прежде!

Открывались блестящие перспективы — и не только в масштабах завода. И даже не города и не области. Ведь на любом предприятии резиновой промышленности — торцы отходов, чаще всего спущен в уталь. А сколько их на других заводах! Есть там и бумага, и тальк, и вальки, и пражка — чего только нет. Ведь можно поднять производство по выпуску кровельного шифера — и поддать вальцовщика на земле мякони!

Есть древняя легенда о британском царе Младсе, который обладая даром превращать в золото все, к чему он прикасается.

Умелые руки рабочих приносились к самым «неблагоприятным» вещам — отбросам — и превратили их в изделия, столь нужные людям... Чудесный дар давно перестал быть даром царя.

Младца Николы он овалды человек труда. Не в легенде, а в жизни превращает он в богатство все, к чему приложит свои золотые руки, свою творческую инициативу.

В содружестве переключившись работой вальцовщиков. А когда устал о ней в обласнолке, на завод пришло письмо — ставился вопрос о выпуске опытной партии шифера из отходов резиновой промышленности, сыпных и нефтеперерабатывающих заводов, текстильных фабрик, предпринятой мебелиной и деревоперерабатывающей промышленности...

«Нужно Пейтлан показал вальцовщикам пример, как надо работать на заводе. В нем предписывалось выпустить на участке протекционки опытную партию шифера в количестве не менее 100 листов по новой рецептуре и передать ее на испытание в обласнолке. Задание поручалось рабочим-исследователям П. Ворочцову и Н. Гавриленко.»

Вальцовщики переключились: здорово! Ворочцов еще раз пробежал таблицу приказа.

— Ну, а теперь, хлопцы?

— Всему своему члдам, — сказал Николай.

Для испытания хватит и сотни. Потом возьмемся за тысячи.

Пейтлан улыбающийся:

— Полный порядок! — весело сказал Ворочцов.

г. Омск. И. ВАСИЛЬЕВ

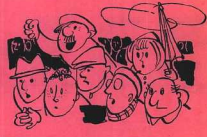

СНАЙПЕРЫ

Маленький удар, и мяч в сетке ворот! Трибуны неистовствуют. В едином порыве стадион рукоплещет успех форварда... Нет, ничто не волнует так души болельщика, как забитый гол! Это и понятно: цель футбола и состоит в том, чтобы забить гол. Ей подчинены поминки и действия целого коллектива футболистов. Не случайно так популярны среди болельщиков лучшие футбольные снайперы. Именно они ставят последнюю точку, завершая атаку!

Сегодня мы рассказываем о самых футбольных бомбардирах прошлого. Мы хотим, чтобы их мастерство, их чуждые для вооруженных нападающих юманистские футболистов. Не случайно так популярны среди болельщиков лучшие футбольные снайперы. Именно они ставят последнюю точку, завершая атаку!

Сегодня мы рассказываем о самых футбольных бомбардирах прошлого. Мы хотим, чтобы их мастерство, их чуждые для вооруженных нападающих юманистские футболистов. Не случайно так популярны среди болельщиков лучшие футбольные снайперы. Именно они ставят последнюю точку, завершая атаку!

Пятнадцать подряд!

Необычайно грозным бомбардиром был в свое время Всеволод Бобров, отличавшийся суммированными футбольными мутами. Он анализировал всегда там, куда летел мяч, и не мямля, без всякой обработки направлял его в сетку ворот...

Позднее сам приход Боброва в олимпийский футбол. Он дебютировал в ЦСКА в 1945 году. Дебютировал в компании с такими мастерами, как Г. Федотов, А. Гринин, В. Николаев, В. Денин. В первом же сезоне Бобров забил больше всех мячей (24).

Вскоре после окончания войны, установленный тогда Бобровым. Во всех одиннадцати матчах этого круга он оставил одиннадцать голевых в воротах противника. Больше того, и в четырех последующих на Кубок СССР он тоже не упустил ни гола без гола. Пятнадцать результативных матчей подряд! С 27 июля до 9 октября Бобров регулярно забивал мячи при каждом своем выходе на футбольное поле.

В том же 1945 году Бобров забил больше всех голов — шесть — во время выступления советских футболистов в Англии. А в 1952 году в первых официальных матчах сборной СССР на Олимпийских играх в Хельсинки капитан нашей команды Бобров провел 3 мяча в трех матчах. Любители спорта знают, что Всеволод Бобров был превосходным хоккеистом. Углубление хоккеем вынудило его бросить футбол. Только порано он не стоит в списке лучших бомбардиров на одной из самых высших ступеней!

Снайперы прошлого сезона

Приз газеты «Труда», присуждаемый самому грозному бомбардиру чемпионата страны, в прошлом сезоне поднимал, как известно, стартовоец Юрий Свищев и капитан Захар Маринков, забившие по 16 мячей. Столько же голов на счету Мезина Мустыгина (Беларусь) и Бориса Казакова (Крылья Советов), но они выступали во второй, более слабой группе команд и в розыгрыши приза поэтому не участвовали.

Приводим список лучших бомбардиров прошлого года:

- 1—4. Ю. Свищев («Спартак-Москва») — 16 мячей
- 3. Маринков («Нефтяники») — 16 мячей
- М. Мустыгин («Беларусь») — 16 мячей
- Б. Казаков («Кр. Советов») — 16 мячей
- 5—6. Г. Гусаров («Торпедо-Москва») — 14 мячей
- Г. Матвеев (СКА Ростов-на-Дону) — 14 мячей
- 7. М. Посуло («Торпедо-Москва») — 13 мячей
- 8—9. Л. Бурчалкин («Зенит») — 12 мячей
- 3. Каюков («Динамо» Тбилиси) — 12 мячей
- 10—12. А. Биба («Динамо» Киев) — 11 мячей
- О. Копаев (СКА Ростов-на-Дону) — 11 мячей
- В. Савельев («Шахтер») — 11 мячей.

Стреляющие бутсы

Еще пятнадцать лет назад эти слова были нелепыми. «Саша, распорядись — ирчаши болельщикам».

И Саша (Александр Пономарев) «распорядился». Он устраивался вперед, уверенная за собой товарищ по нападению, он таранил оборону. Прогнанный, протискивался, стрелял. Настоящий боец.

Но самое запоминающееся — его удар. Неудержимый, мощный, пономаревский удар. Мяч, словно снаряд, пролетал буквально над ухом вратаря, и тот не успевал даже сделать движение руками...

Впервые любители футбола увидели Пономарева в 1938 году в волгоградском «Транкторе». Тогда молодой коллектив волжан поразил всех неискаженной энергией, мощностью атакой. Лучшим командой был Пономарев, а

первый же сезон своих выступлений в классе «А» ставил самым результативным форвардом страны. Пономарев забил тогда 19 мячей, опередив таких прикладных снайперов, как Савельев, С. Капеланин, М. Гончаренко, Б. Пайчадзе, А. Соколов. Именно в «Транкторе» Пономарев установил один весьма любопытный рекорд: в одном из матчей (правда, не на первенство страны) он забил подряд девять мячей!

Потом Пономарев играл за московские «Торпедо» и дюшаньский «Шахтер». И тут он по-прежнему был лидером и вдохновителем атаке. Победитель чемпионата РСФСР Кубок СССР 1949 года, чемпион «Шахтера» в бронзовых медалях в чемпионате 1951 года — это в первую очередь заслуга Пономарева.

КТО ЗАБИЛ БОЛЕЕ СТА МЯЧЕЙ?

За всю историю чемпионатов страны таких назвало никого — всего восемь человек. Вот они, эти мастера, обладавшие поистине «стреляющими бутсами»: Александр Пономарев — 148 мячей; Никита Симоненко — 141 мяч; Сергей Соловьев — 130 мячей; Григорий Федотов — 129 мячей; Антания Гогоберидзе — 126 мячей; Константин Весков — 107 мячей; Заур Каюков — 104 мяча; Виктор Ворошилов — 102 мяча. Лишь одного мяча не хватало Сергею Соловьеву, чтобы достичь золотого рубежа. Ничего не достигли и такие превосходные мастера атаки, как Всеволод Бобров (97 мячей) и Борис Пайчадзе (92 мяча). Из футболистов, которые продолжают выступать на футбольном поле, ближе всего к рубежу в сто мячей находится торпедовец Валентин Иванов, в «спусковом» списке которого и началу сезона числился 84 гола, и поноватором Виктор Соколов, забивший 80 мячей.

НОГА ФЕДОВОТА

Ну, а если уж вы вспомнили Всеволода Боброва, нельзя не сказать и о его знаменитом напарнике Григории Федотове. Их «сдвоенный» центр действовал безотказно. Ведь Федотов, как никто другой, мог организовать атаку. Он умел и сам забить гол и подыграть партнеру.

...Это случилось: перед одним из финальных матчей на Кубок СССР, Григорий Федотов получил травму затылка серьезную травму. Ставить ли Федотова в решающем матче? Об этом спорили друзья Григория на собрании команды.

И вот взял слово один из футболистов: — Гриша должен играть обязательно. Травма — это, конечно, нехорошо, но ведь без Федотова никак не тя. Никто из нас не сможет заменить Гришу. Одна нога Федотова принесет колоссальную пользу команде. И вот этот человек из футболистов: — тогда в финальном матче. И, как всегда, играл превосходно!

Итоги футбольным следующим днем, пожалуй, тоже неплохо было бы иметь у своих друзей такой же авторитет, которым славился Григорий Федотов.

Лучшие — в каждом первенстве

А кто был лучшим бомбардиром в каждом из прошедших чемпионатов страны? Напомним их имена и достижения любителей футбола.

1935 г. (весна) — М. Семичастный — 6 мячей.

1936 г. (осень) — Г. Глазков («Спартак» Москва) — 10 мячей.

1937 г. — В. Смирнов («Динамо» Москва) — 8 мячей.

1938 г. — А. Пономарев («Трактор» — 19 мячей.

1939 г. — Г. Федотов (ЦДКА) — 21 мяч.

1940 г. — С. Соловьев («Динамо» Москва) — 19 мячей.

1945 г. — В. Боров (ЦДКА) — 24 мяча.

1946 г. — А. Пономарев («Торпедо» Москва) — 18 мячей.

1947 г. — В. Боров (ЦДКА), В. Николаев (ЦДКА) — по 14 мячей.

1948 г. — С. Соловьев («Динамо» Москва) — 25 мячей.

1949 г. — Н. Смирнов («Спартак» Москва) — 20 мячей.

1950 г. — Н. Смирнов («Спартак» Москва) — 34 мяча.

1951 г. — А. Гогоборидзе («Динамо» Тбилиси) — 16 мячей.

1952 г. — А. Заровев («Динамо» Киев) — 11 мячей.

1953 г. — А. Гогоборидзе («Динамо» Тбилиси), Н. Смирнов («Спартак» Москва) — по 14 мячей.

1954 г. — А. Ильин («Спартак»

Москва), В. Ильин («Динамо» Москва), А. Соколов («Тр. резервы» Ленинград) — по 11 мячей.

1955 г. — З. Стрельцов («Торпедо» Москва) — 15 мячей.

1956 г. — В. Бузунов (СКО Свердловск) — 17 мячей.

1957 г. — В. Бузунов (ЦСК МО) — 16 мячей.

1958 г. — А. Ильин («Спартак» Москва) — 19 мячей.

1959 г. — З. Калоев («Динамо» Тбилиси) — 16 мячей.

1960 г. — З. Калоев («Динамо» Тбилиси) — 20 мячей.

1961 г. — Г. Гусаров («Торпедо» Москва) — 22 мяча.

1962 г. — Ю. Севилов («Спартак» Москва), З. Маргаров («Нефтяники») — по 16 мячей.

ЖЮСТ ФОНТЭН — 13!

И еще об одном рекордере хочется напомнить любителям футбола — о рекордере французского бомбардира Жюсте Фонтэне. Ила последний минуте матча, соперники боролись за третье место в чемпионате мира 1938 года, Французы и немцы из ФРГ оспаривали Бронзовые медали.

...Немцы подали угловой. Они осаждают ворота противника. Лишь один из французоз — Жюст Фонтэн — со скучающим видом одиноко стоит в центре поля. И вот в последнюю минуту мяч резко отбит в центр. Оба немецких защитника поднимают руки, показывая, что мол, француз «вне игры». Но нет! Фонтэн все рассчитал. Он видит, как судья на линии показывает: «Все правильно!» Француз резким рывком приближается к воротам и точно «кладет» мяч в нижний угол. Победа зафиксирована — 6:3.

Это был 13-й гол, забитый Фонтэном в играх шведского чемпионата мира. После матча французского снайпера от души поздравил знаменитый футболист и болельщик. И нам не поздравить Фонтэна забил рекордные для одного первенства количество мячей! Это неслыхно, очень техничный и быстрый нападающий, превосходно разбирающийся в игровых ситуациях, стал первым бомбардиром мира.

Напомним заодно имена других бомбардиров, прославившихся на чемпионатах мира. В 1930 году больше всего мячей забил аргентинец Стабиле (6), в 1934 году — чех Невади (5), в 1938 году — француз Леонидас (7), в 1950 году — другой бразилец, Аделим (6), в 1954 году — венгр Хидегкутти (9). Наконец, на последнем чемпионате в Чили (1962 год) оказалось сразу шесть лидеров: бразильцы Гарринча и Ваза, югослав Ерикович, венгр Альберт и наш Валентин Иванов. Все они забили по 4 гола.

РЕКОРДИСМЕНЫ СВОИХ КОМАНД

Есть рекордсмены-снайперы и в каждой команде, выступающей в классе «А». Правда, рекорды их весьма различны. Например, Н. Смирнов оставил в наследство «Спартаку» мячи, а лидер новичков высшей лиги — торпедовец Кутаскин — Н. Чкаришвили забил пока лишь 7 голов. Но и он рекордсмен своего коллектива.

Кто не дернет рекорды в двадцати наших лучших коллективах, оспаривающих сейчас титул чемпиона страны? Вот их имена:

- «Спартак» (Москва) — Н. Смирнов — 131 мяч
- «Динамо» (Москва) — С. Соловьев — 121 мяч
- «Динамо» (Тбилиси) — А. Гогоборидзе — 126 мячей
- ЦСКА — Г. Федотов — 124 мяча
- «Торпедо» (Москва) — А. Пономарев, В. Иванов — 84 мяча
- «Динамо» (Киев) — П. Вильковатов — 67 мячей
- «Пахтанор» (Ташкент) — Г. Красницкий — 43 мяча
- «Зенит» (Ленинград) — А. Коротов — 49 мячей
- «Шахтер» (Донецк) — Г. Балаба, И. Федосев — 29 мячей
- «Нефтяники» (Баку) — З. Маргаров, А. Голодец — 17 мячей
- СКА (Ростов-на-Дону) — В. Понедельник — 30 мячей
- «Молдова» (Кишинев) — Ю. Коротов — 27 мячей
- «Динамо» (Ленинград) — Е. Лотин — 53 мяча
- «Кр. Советов» (Иркутск) — А. Гулевский — 51 мяч
- «Локомотив» (Москва) — В. Соколов — 80 мячей
- «Беларусь» (Минск) — Г. Хасин — 26 мячей
- «Авангард» (Харьков) — Г. Борзенко — 28 мячей
- «Арат» (Ереван) — Ф. Арутюнян — 26 мячей
- «Торпедо» (Кутаски) — Н. Чкаришвили — 7 мячей
- «Найрат» (Алма-Ата) — С. Квачин — 28 мячей.

АКА

Можно ли «ремонтировать» мышцы?

В ноге человека — десятки мышц. Если повреждено несколько из них, здоровье берёт на себя ещё нагрузка. В живот оттянутое коротко разит принцип авиамоторы: человек прихрамывает, но основные движения ноги сохраняются.

Вот и в мышцах, которые атрофируются в движении одной-единственной мышцей. И вот она повреждена. Как тут быть? Как сохранить функции органа, предупредить его атрофиацию?

В дом влезали новые мышцы. На лестничной площадке первого этажа трое суток враспашку двери шахматного Угоя его врезала в стену; на смежающейся поверхности образовалась ямочка. Немного погодя в подвезд вошёл человек в комбинезоне, перепачканном красками. Через несколько минут «краса» в стене была аккуратно замазана завесторными растворами. Когда заплата на стене высохла, искусные руки восстановили и индуктор.

Вы, очевидно, угадали, если услышите, что примерно такую же операцию можно проделать на человеческом теле.

Ведь в недавнем времени хирургия отрицала «возможность свободной пересадки мышечной ткани». Но сейчас побывав в одной из лабораторий Института физиологии животных, вы можете убедиться в этом. Здесь под руководством доктора биологических наук, профессора Академии Наук Николая Студитского успешно «латают» мышечную ткань. Латы проводятся пока на животных: крысах, кроликах, собаках.

Чтобы приготовить металлический сплав в изделие определенной формы, нужно подлить в штамп. А от этого вы не можете сделать пластилин. Примерно так же поступают в мышечной. Пластическое состояние — это искусственно созданный подготовительная стадия к пересадке мышц.

Первые опыты были проделаны на

Мидиатор

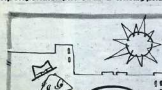
Подводный землетрясение

Студирница Геофизического института в Гомедеу создали автоматическую сигнализационную систему предупреждения о подводных землетрясениях. Из известно, при подводных землетрясениях образуются волны высотой до 30 метров, которые движутся с большой скоростью, обрушиваясь на побережья, такие гигантские волны вызывают разрушения. Для сигнализации был использован подводный телеграфный кабель, который соединяется чувствительными манометрами. При повреждении подводной волны, увеличивается давление воды, и манометр по кабелю посылает соответствующий сигнал, на берег.

ПЛАСТМАССЫ-ХАМЕЛЕНЫ

В США разработаны пластмассы, цвет которых меняется на свету, а в темноте восстанавливается. Их можно будет применять, например, для обшивки подводных лодок, чтобы пропускать свет в пасмурные дни.

Именно здесь, в лаборатории профессора А. И. Студитского, кандидата биологических наук Юрия Фёдоровича Потова, Градуса Павловича Жонковича и Зинаиды Павловны Игнатьевны исследуют свойства восстановительных мышц.

Целых мышц — биение сердца, удаляющая мышца обыкновенными номиками замечательна, до состояния инертности. Получался в буквальном смысле слова фарш. Порция его выливалась в раму на другой мышце. Мышечная ткань быстро приспособилась к новым условиям существования. Рама с течением времени закивала, и повреждённая мышца начинала нормально действовать. В науку о заживлении мышц делаются лишь первые шаги. Пока опытным путем доказана возможность восстановления работоспособности мышц

с помощью пересадки в предельно одного органа. Первыми в мире это сделали советские ученые — профессор А. И. Студитский и его ближайший помощник — кандидат биологических наук З. П. Игнатьева, Р. П. Игнатьевская, О. Н. Румянцев, И. Ф. Потова и другие. Впереди более сложная и более почетная задача — восстановление и пересадка мышц от одного организма другому.

Хочется верить, что советские ученые с честью справятся и с этой проблемой.

С. МАРИВ

«ЛД + СД 2»

«ЛД + СД 2» — так называется препарат разработанный багдарскими учеными. Он предохраняет уже убраченные с полей корнелюды сахарной свеклы от порчи и прорастания. Значение нового препарата трудно переоценить: свекла обработанная им, может без ущерба качеству со-

храняться в течение целого года, вплоть до нового урожая! Все это позволяет исключить сезонную напряженность в работе предприятий, производящих свекольный сахар, обеспечивает их постоянной равномерной нагрузкой в течение круглого года.

ВМЕСТО ЗАВОДСКИХ МАМОНТОВ

Знаете, какой путь проходит металл, прежде чем стать звенилицей тонким листом, репсом или дугаром? Марган — роллинг — слэбинг и прокатка. И уж потом прокатный стан.

А теперь ли, разделив сталь по координатам, посылать ее огромные, толстые слитки, которые «ле» по кубам стелам, в листовые заготовки? Так предельно поступают Свердловский слесарь А. Н. Языков.

Расплавленная сталь широкой ступой льется в плошке охлаждаемые водой формы-кокилы. Кокилы устанавлены на специальной карусели, движущейся по кольцевому рельсовому пути. Как только форма наполняется, карусель поворачивается. И так все повторяется.

Кокилы с затвердевшими слитками опорожняются. Слитки падают на ленту конвейера и уносятся к прокатному стану.

Вот и вы. Становитесь мыслями движимые поезда с колодезниками, нагревательные кокилы, заводские мамонты опомычи и слэбинги. Тыщи тонн дорогостоящего оборудования, целые гектары миллионов рублей экономии — таковы перспективы современного Уральского Лобского.

ДОРОГИ БЕЗ ПЫЛИ

Политехнический институт в Варшаве разработал простой и эффективный способ предотвращения пыли на грунтовых дорогах. В воду для поливки добавляют 30 процентов хлорной извести, которая связывает пыль. Такой раствор действует 8—10 недель.

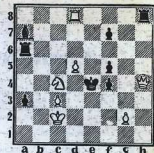
Но в дождливую погоду хлорная известь быстро растворяется. Для увеличения эффективности в раствор добавляют полисульфидный цемент, содержащий соль. Орошение дорож такой смесью действует несколько месяцев, независимо от погоды.

Под редакцией мастера В. ЛЮБИНСКОГО

ИЗЯЩИЙ ПРИЖОК

Попробуйте решить эту несложную, но весьма острообразную задачу, которую составил в дни своего юности известный советский шахматный композитор Леонид Изюмович Кубельд (1881—1942).

Велые начинают и дают мат в два хода.

65 ЛЕТ НАЗАД

Находящийся в самом центре шахматной доске черной королю окружен белыми фигурами. Казалось бы, выполнить условие этой оригинальной задачи — дать мат в два хода — не представляло труда. Однако, чтобы найти верное решение, требовалось немало изобретательности. Сильное впечатление оставляет красивый вступительный манер. Неотраженную задачу русского композитора Леонидизюмова П. Маранулина была удостоена на одном из конкурсов 1888 года первого приза.

В ЗАСАДЕ!

Маной неоконченный эффективный манер позволяет белым объявить неприятельскому королю мат в два хода!

РАСКЛАЗ

О ДАДА

Все началось с телеграммы. С небольшого бланка, заполненного ровными рядами букв. Телеграмма обычно живет часы и минуты, от силы — дни. Но бывает так, что новая старая телеграмма может о многом напомнить, на что-то натолкнуть. Она пришла в Москву год назад, в тот апрельский день, когда начал свою работу XIV съезд ВАСКС.

«Нам комсомольский стаж равен всего нескольким часам. Стоюди утром мы вступили в ряды Ленинского комсомола. Горди, что день нашего вступления совпал с открытием XIV съезда ВАСКС. Клянемся съезду нашего комсомола, что мы отдадим все свои силы, знания, энергию делу построения коммунистического общества в нашей стране».

Телеграмму эту подписали двадцать молодых граждан столиц Советской Эстонии — небольшая группа юношей и девушек, составляющих все или почти всю инициативную часть комсомольской организации.

Одна милочка... Эстонцы, русские, украинцы. Рабочие, студенты, школьники. Ровно год назад они стали комсомольцами и сейчас отмечают свой первый день комсомольского рождения. С чем же пришла к своему празднику «комсомольские близнецы»? Как прошел для них этот год? Что для них комсомола, и что они дали комсомолу? И вот я в Таллине рассказываю «комсомольских близнецов».

«Торговая точка» конструктора

— Маркус? По коридору и налево. Он, наверное, у себя, в своей «торговой точке»...

Иду по коридору и стучусь в дверь налево. — Маркус? Он только что ушел на базу, за товаром. Скоро будет.

И тут я не выдерживаю:

— Позвольте, мы что-то путаем, мне нужен Маркус Самма, техник-конструктор СКБ совнархоза. При чем здесь товар, при чем база?

— Не волнуйтесь, — успокаивает меня инженер Куйо Лепс, конструктор СКБ. — Это тот самый Маркус. Подождите немного, он сейчас вернется.

Рядом с чертежным столом Маркуса я замечаю неизвестный, створенный шкаф. Дверям притворены. В шкафу книги.

— Вот это и есть старший створенный работник», — объясняет Куйо Лепс. — Маркус — один из лучших распространителей книг в городе. Это — его комсомольское поручение...

Еще до возвращения Маркуса с базой из рассказов его товарищей по СКБ я узнаю, что началось это все с нескольких книг, которые Самма привнес однажды на работу. Кто-то попросил почитать, у кого-то появились вопросы, кто-то поинтересовался, где можно купить книгу... Маркус вызвался помочь — все равно он чуть ли не каждый день бывает в книжных магазинах...

А вскоре комсомольский СКБ «официально» поручил Маркусу распространять книги-отчеты по точке. Теперь у него есть уже свой «оборот», свои постоянные читатели.

— А вот и он...

В комнату входит невысокий светловолосый юноша с обильными вихляком под мышкой.

— Что нового? Пожайя... — Бросается к нему люди.

Маркус разворачивает пакет, и акkuratные томики падают по рукам.

— Приветствую вас такое поручение? — спрашивает Маркуса.

— Очевидно, вы забыли об ответ и тут же поинтересовались книжками человеку в чужак? — Замираю прерываю... Пожайя, пожайя...

— «Комсомольская торговая точка» действует...

Расскажите о себе, Анна...

Беседу не клеится. Еще минуту назад Бордея, энергичная и даже словоохотливая, она как-то ступенчатая и умолкает, стоит мне повторить этот прокатный вопрос.

— Ну, а вы? Теперь о себе расскажите, Анна... Несколькими листами уже исписаны. Я уже знаю о том, как работает товарищи Анны Креек по техникуму на текстильной фабрике «Мирате», знаком с делами на комсомольских курсах общественных бракеров. Я уже сам могу рассказывать о том, как молодежь техникума легкой промышленности занимается с ребятами из подшефных школ, как здорово живет в летнем студенческом лагере и сколько было интересных походов в театр... Все это я знаю, но мне ничего не известно о самой Анне Креек, одной из двадцати «комсомольских близнецов».

— Она снова хмурится. В недовольном молчании проходит минута, другая...

— А вы привнесите Таллини! — спрашивает маркус Анна. — Вот если бы вы привезли рывале...

И я выслушиваю еще один рассказ об интересном начинании комсомольцев техникума. И опять Анна увлекается и говорит так, что только успешная записывает.

Создаю группы — по пять человек в каждой. Это были лучшие знатоки Таллины, его пропало, его революционных традиций. И пошел эти группы от одного городского выметника к другому.

Нужно было как можно больше и интересней рассказать обо всем, что связано с ними, припринимать подробности, называть имена... Рассказы и ответы на вопросы оценивали специальными «судами» — суровые и беспристрастные. Группы набирали очки, боролась за первенство.

— Было очень интересно. Ведь правда? — Анна говорит так, точно я спорю с ней. — И полезно. Не все ведь знают о памятниках, о людях или событиях, которыми они посвящены. А теперь идишь по городу и слышишь со знакомыми рассказывающими...

Отвлечен! Мои знания о комсомольских буднях студентов техникума пополняются. Исписана еще одна страница блокнота.

— Ну, а вы? Теперь о себе расскажите, Анна... На этот раз она, кажется, рассердилась.

— Какой же вы непонятный! Ведь я уже целый час о себе рассказываю...

Юбилей в квадрате

Это совсем не так просто — выступить с докладом. Особенно если это твой первый в жизни доклад. И еще на такую тему — годовщина XIV съезда комсомола. Шутка ли!

Бориса Баудурья, сасара Таллинского тепловозного дела, предстоящие выступления волнуют, покажут, больше, чем иной новый заказ. О чем говорить?

— Посовещуйте, — просит он. — Вы-то человек к слову привычный.

Договариваюсь. Усажу за усажу. Борис — еще один из «близнецов» — рассказывает мне, как провел его первый комсомольский год, а я потом помогаю ему наметить тезисы для доклада.

— Почему я вступил в комсомол? — Борис хмурит брови, подбирая выражения. — Понимаю... У комсомольцев в душе сидит что-то такое...

Привзяться, я и сразу узнаю его мысль. Но, энергия, слушая наизусть, понял, о чем «станово» хотел он сказать. Потому что сам Борис именно «станово».

Год назад, он решил озвучивать вступление в комсомола новым, более высоким производственным разрядом. И добился. Разряд уже присвоили накануне того дня, когда он пришел на бюро райкома. Но ж, с комсомольским билетом в кармане, он не работал по-прежнему? Ну, нет! По-новому... Включился в борьбу за звание ударника коммунистического труда. А совсем недавно перешел в отстоящую бригаду, на помощь.

— Ну, а sprawy, неудаче? Было так?

— Было... мрянет слезарь. — В институте срелас...

А ведь как металл об этом — студент-эвоник Института инженеров железнодорожного транспорта! Готовался, почел, выдосыла, я поехал в Ленинград на экзамены и не пропала по конкурсу. Зато теперь еще дела занимается, еще острее и осознание стала мечта об институте.

— Значит, выдестся?

— Затем выдестся! — удивляется Борис. — Прост поступал. Обязательна. Хотя и времени сейчас свободного малоовато...

Времени, и правда, немного. Ведь, помимо работы, есть и обязательные поручения. Баудурья — агитатор, член художественного совета при красном уголке, активист местного радиоузла.

Борис увлекается и впрямую смотрит на меня. Не пора ли, дескать, и корреспонденцию включать своим «близнецам. И тогда я говорю ему: — Вот об этом и должен быть доклад — о первом комсомольском году Бориса Баудурья из тепловозного дела. Это будет самым правдивым и самым интересным докладом. Тем более что годовщина съезда — и ваш личный юбилей. Ведь верно?

— Верно... удивляется Борис. — Юбилей. Даже в квадрате. В первую годовщину вступления в комсомола мне как раз исполнилось восемнадцать...

Вот и весь рассказ о «комсомольских близнецах» из Таллины. Но их больше, скажете вы, а тут названы только трое. Верно. Есть еще Мийа Вилстрас, Светлана Ковалева, Мерике Сетг, Кяалу Реннмалтс, Эдлава Реек и много других. Все они очень сильные люди и хорошие комсомолы. И если вы захотите познакомиться с ними, приезжайте в Таллини. Не пожалейте...

г. Таллин.

ВСТРЕЧА НА УТИ В ХОДЕЙДУ

Первый оружейный зал, возведенный о начале революции, был сделан по резиденции имама аль-Бадр в Сана. Старым сюжетом верхний этаж дворца аль-Башир.

В порт Ходейда из Советского Союза прибыли мирные грузы — бескорыстная помощь народу Йемена.

Али Абду доверили оружие, и он будет защищать молодую республику.

Еще недавно в Йемене расставались с жизнью без андского сожаления. Стоило бедному человеку умереть, его чуть ли не огнем несли на кладбище. Тело вскоре заваливали камнями и расхищали. Без должных слез, без речей. Иногда живые заведома мертвым. К этому с детства привыкла нищета и беспощадность жизни под властью имама, судьи, палача. Очевидцы рассказывали мне, что левенцы, даже полая в руки палачу, не выказывали особого страха... На жизнь смотрели как на многострадальный и недолгий переход в лучший, загробный мир. Таговы и ишания переносили, стиснув зубы, привычные переживания одурманяющий кат (истья растения, содержащего наркотические вещества).

Так было до революции, до того самого сентябрьского дня 1962 года, когда революция опрокинула трон Мохаммеда аль-Бадр и провозгласила Йеменскую Арабскую Республику. Путешествуя по дорогам ЙАР — первой республике на Аравийском полуострове, я хотел понять, как измени-

лась жизнь людей в этой стране и, главное, как измениют ее сами люди. Одна из встреч на дорогах ЙАР оказалась мне особенно примечательной.

* * *

Это ездил по нашей Военно-Грузинской дороге, пусть поднимет ее в своем воображении километра на полтора и удлинит вдвое, тогда он сможет получить представление о дороге Сана — Ходейда. Над тобой — бездна неба невероятной глубины, внизу — тоже бездна, и камешки, буд-то летящие по воздуху. Начавшись на высоте двух тысяч восьмисот метров, дорога, минуя три перевала, приводит в конце концов и Красовую долину.

Последний перевал — Менхский. После него снимаешь теплую одежду и радуешься, что попутчи позади. Глаз, утопленный однообразным видом вулканической лавы, отдыхает на Зелени, которая становится все обильней по мере спуска в долину.

На одном из крутых поворотов наш грузовик остановил молодой человек, почти юнец, в форме мор-

ского офицера йеменских вооруженных сил.

— Что случилось, сяди? Он молча показал на мотоцикл, беспомощно лежащий на обочине с проколотой шиной.

Насколько мигнул — и мотоцикл погружен в кювет, заперев, поселяющий офицер устроился на пустой канистре, и мы двинулись дальше.

Мы ехали вдоль ручья. Вода в нем то исчезала, уходя под землю, то появлялась снова. Понакались пальмы, стало душно и влажно. Завлекли зеленые квадраты полей. Все чаще и чаще встречались христиане, бредущие за быком, который тянул примитивную соху. Картины срединевогоставшихся республике в наследство от свергнутого режима имама. Буржуазные газетчики и полтинники говорили о революции, происшедшей в этой стране, как об обычном дворцовом перевороте. Народ не избралли пассивными наблюдателями. Когда я спросил об этом моряку, он гневно воскликнул:

1 Друг.

— Ничего подобного! Наша революция — революция народов. Если бы народ не поддержал нас — все пошло бы. Когда Эль-Бадр после первых залпов бежал в город Хаджу, ему удалось собрать двухтысячное войско. Расположенный на большой высоте, Хаджа считался практически неприступным. Штурм города стоил жизни многим нашим лучшим людям. Но мы взяли эту крепость, и исход революции был решен. Смогли бы мы это сделать, если бы наш народ с самого начала не поверил в нас? Не год революцию? Нет!

Меню тем наш разговор приблизился к Тихийской пустыне. — Скажи офицер — как-то выжили шабну бандитов, грабивших их, и отвели к имаму. Между Эль-Бадром и городом так. Личный секретарь имамы доложил ему о вооруженных христианах. Как же поступил Ахмед? Он приказал палачу тут же отрубить головы всем изгнанным, «за что же назвать христианами? — спросил имам». «На том свете аллах дарует им счастье», — ответил Ахмед. Такова была судьба наших христиан. Как же они могли не поддержать революцию? С первых дней тысячи христиан добровольно отдали себя в руки врагов революционного правительства.

— Сегодняшний задумался — Если вы приедте в бывшую королевскую, ныне республиканскую больницу в Ходейде. — Скажи мне, увидите на воротах портрет лейтенанта Олени. Он погиб двадцать лет назад. За что Олени присутствовал на нас в Танге. Он видел, как бандиты и христиане похоронили по очереди и палача, стараясь незаметно сунуть ему несколько рупий, и чтобы за этот бахшиш палач рубил им головы не с пятнадцатого удара, а быстрее. Олени также видел, как после этого палач подошел к себе палача. «Разрешите мне, — прошептал он, — брать твои деньги, которые дали тебе казнить тех, которых ты убил, и отдать их от меня». Олени решил убить и палача. Когда Ахмед выходил из рентгено-

кабинета Ходейдской больницы, Олени встретил в имаме, но только раня его. Олени покинул с собой. Он был избранным человеком и наш народ считает его национальным героем. Но беда была в том, что он действовал в одиночку. Мы же пошли другим путем, — продолжает офицер. — Наш призыв — построить сыстемное настоящее и будущее для народа. Мы не хотим митингов, слушать выступлений, и вы помните, как народ относится к республике, и ее президенту и революции. Нет, наша революция не «народный переворот».

Грузчик подвезжал к Ходейде. Офицер стал прощаться. — Скажите, а зачем вы ездите в Сауду?

Мени вызвала президент эс-Саляда, чтобы включить в комиссию по увеличению заработной платы рабочих и пенсий их семьям. Это мое общественная работа, — добавил он, улыбаясь.

В. БЕРНАСОВ

специальный корреспондент АПН

Ходейда — Москва.

В а зренье телерада-ча. Как будто обман. Но почему все замерло перед телевизором, почему так напряженно всматриваются в лицо человека в сырфуде? Космонавт улыбается, поднимает руку, приветствуя людей. Вот он подобрал журнал, и вот невольным полетил по кабинке. Шань август 1962 года, говорил и показывал космос. Какое триумфальное шествие от первого в мире радиоприемника Попов до этой телевизионной передачи! Какие гигантские успехи!

И мы не ошиблись, если характеризовать символами современной техники называем точнейшей электронный прибор. Он олицетворяет достижения человека во всех областях производства и технической мысли. Это не только радиосвязь или телевидение, радиолокация или радионавигация, вычислительная техника или автоматика и телеуправление. Без электронных устройств телера уже невозможно представить себе ни современной квартиры, ни совершенного завода, ни лаборатории ученого. Но приборы становятся все более сложными, они удваиваются в размерах. Современная научно-решающая машина занимает огромные залы, и перед учеными и инженерами встала задача — создать компактную, легкую и вместе с тем более надежную аппаратуру. Начальные шаги в этом направлении уже сделаны.

Первым об этом заявил наш спутник, когда 4 октября 1957 года его веселое «би-би-би» услышал весь мир.

Возьмем простейший пример. На ладони — приемник. Он чуть больше спичечной коробки, но звучит ясно. А ведь несколькими годами раньше это показалось бы вам фантастическим. Сейчас, если вы увидите приемник величиной с пуговицу, то совсем не удивитесь, а примете это как должное.

Поэтому мы и считаем вполне естественным, что в контейнере весом в одну тонну размещен огромный, сложный комплекс приборов цепей автоматической научно-исследовательской институ, посылающей на Землю массу сведений о космическом пространстве. Пожалуй, именно в этой области наиболее революционно рождаются новые направления радиоэлектронной техники — миниатюризация и микроинтеграция.

Эти термины обозначают изготовление небольших по размеру схемы. Схемы собираются из микроэлементов: тех же ламп, сопротивлений, конденсаторов, которые знакомы нам по радиоприемнику, но уменьшенных в десятки и сотни раз. Иногда, чтобы разглядеть некоторые из них, нужно вооружиться лупой. Такие детали располагают на маленьких платах, соединяют проводниками и получают микромодуль, похожие на кубики. Из них и собираются различные радиоэлектронные устройства. Естественно, что эти устройства не похожи на громоздкие ламповые схемы, требующие большого количества энергии на разогрев катодов.

Но в последние годы появились новые, еще более прогрессивные методы изготовления радиоэлектронных устройств. Одним из перспективных является производство пленочных схем. На изоляционный материал наносится тончайшие пленки различных веществ. Получаются плоские схемы, размеры которых много меньше микромодулей.

Но и в пленок с недавнего времени появился грозный конкурент — так называемые «твердые» схемы. Это кристаллы полупроводников, внутри которых вносятся различные примеси. Эти примеси образуют области различного характера и степени сопротивления электрическому току, и они начинают работать, как триоды, сопротивления конденсаторы и т. д. Иначе говоря, сам кристалл становится радиосхемой!

Одно из главных достоинств микросхем — широкая автоматизация их изготовления. Если сейчас радиоэлектронные устройства собираются в основном человеческими руками, то микросхемы могут изготавливать и собирать машины — промышленные автоматические линии.

И еще: новая аппаратура легкая и экономичная, а главное, надежная. Ведь одним из больших мест

ВНУЖЬ РАДИОЭЛЕКТРОНИКА — СИМВОЛ ПРОГРЕССА

«ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ КОСМОС...» * РАДИОСТАНЦИЯ ВЕЛИЧИНОЙ С ПУГОВИЦЕЙ * АВТОМАТЫ ДЕЛАЮТ АВТОМАТЫ * БУДУЩЕЕ ЗА МИКРОЭЛЕКТРОНИКОЙ

была ненадежность старой аппаратуры. Представьте себе современную электронно-счетную машину, в которой тысячи ламп, сопротивлений, конденсаторов и других деталей. Как найти наилучшее повреждение в таком колоссальном и точнейшем устройстве? Микроэлементами не только миниатюрны, они долговечны, более постоянны по своим характеристикам.

Сегодня от миниатюризации и микроинтеграции зависит дальнейшее развитие и совершенствование самых различных приборов, которые применяются во всех отраслях хозяйства: промышленности, транспорте, строительстве, сельском хозяйстве, науке, медицине и даже в искусстве.

Миниатюрные приборы находят самое неожиданное применение. В 1959 году в Антарктиде американские ученые сделали оригинальный опыт. В гнездах к пингвинам были вложены айды — внутри которых предварительно заложены комплекс приборов с радиопредатателем. Так было установлено, например, что средняя температура айды была на 5—6 градусов ниже температуры тела пингвина. Такие точные сведения о состоянии внутренних органов человека можно приводить десятки.

Будущее электроники ярко выражено в Программе КПСС: «В течение двадцатилетия осуществится в масштабах страны комплексная автоматизация производства со все большим переходом к цехам и предприятиям — автоматом, объектом автоматизации, технико-экономическую эффективность. Ускорится внедрение высокопроизводительных систем автоматического управления. Получат широкое применение кибернетика, электронные научно-решающие и управляющие устройства в производственных процессах промышленности, строительной индустрии и транспорта, научных исследованиях, в плановых и проектно-конструкторских расчетах, в сфере учета и управления». В эти до предела сжатых строках выражены те революционные преобразования, которые должны вызвать электронная техника, и в первую очередь миниатюрные и микроинтеграционные радиоэлектронные приборы, в экономике и других областях жизни нашего общества.

П. МАХРОВСКИЙ,

инженер

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

показал пробуждение народа, названного империалистической войной.

Горький назвал этот роман «иностранной и радостной книгой». Роман писался в окопах и печатался в парижских газетах. Он принес автору всемирное признание.

В июле 1919 года В. И. Ленин писал в «Правде»: «Одним из особенно западных подтверждений победы надобамодного массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: «Le feu» («И огонь») и «Слеть» («Сжигать»). Весной 1917 года вместе с Раймондо Лефевром, Полем Вайн-Курторе и Жоржем Броувером он участвует в создании Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, главной целью которой становится борьба против новой войны.

Барбюс поощряется правительством победо Октябрьской революции в России: «Знамя Социалистической Республики Советов — это Красное знамя освобождения человечества!»

В феврале 1923 года, когда коммунисты Франции подвергались гонениям и репрессиям со стороны правительства Пуанкаре, Анри Барбюс пишет замечание в секцию Французской компар-

тии VII округа Парижа: «Я с вами. На всю жизнь. Я ваш».

Барбюс был верным другом нашей страны. После первой поездки в Советский Союз в 1927 году он со стороны прогрессивных газет Европы сообщил миру о грандиозных переменах, происшедших в России. В последующие годы он еще не раз приезжал в СССР.

Барбюс работал и борется, пишет статьи и выступает по радио, защищает друзей, убеждает коллегам, певно обуривается на врагов.

В Париже, на кладбище Пер-Ланеж, у стены Колумбаро, стоят памятники из розового уральского гранита. Когда-то Барбюс писал: «После своей смерти человек может жить только на земле».

Это правда, и Анри Барбюс будет всегда жить на земле среди своих читателей и товарищей по борьбе, среди нас.

Анри Барбюс в окопе в годы первой мировой войны.

АШИ И БАБИ И АШИ

ЧЕЛОВЕК, НАШЕДШИЙ ОГОНЬ

В августе 1914 года в военный комиссариат Парижа пришла сундулатый, высокий и очень худой человек. Он потребовал, чтобы его отравили в действующую армию.

Через несколько дней он стал рыцарем 221-го пехотного полка. Это был Анри Барбюс, писатель, автор нескольких книг, уже тогда широко известных.

Мотивы писем легли в основу романа «Огонь», в котором Барбюс с огромной убедительностью

КНИЖКА НАША АВТОРА

Раскрывая книгу стихов, я прежде всего хочу прочитать то стихотворение, которое мало известно сборнику. У меня в руках первая книга молодой поэтессы Тамары Жирмувской — «Район мой любви». На 65-й странице (в самом конце книги) нахожу стихотворение, которое начинается так:

Молчи, район мой любви —
Четырнадцать кварталов счастья!

Я знаком с Тамарой Жирмувской и знаком с районом, где она живет — одной из центральных, шумных московских улиц. Внутренние магазинчики, спешащие люди, троллейбусы, а ступишь в сторону — и попадаешь в тихий переулок, где рядом с маленькими «домочадками с мезонинными возвышениями» — кирпичными цехами и пятиэтажные дома, построенные в начале нашего века. Я знаю их гуляние, высокие подъезды, два двора — окно в окно. Да, именно о них пишет Тамара Жирмувская. Это все стихи о любви. Но в этой любви что-то неадекватно: героиня стихов Тамары Жирмувской не хочет встречаться с районом своей любви, она хочет «покрыть твои шаги чужими и сделать вид, что не с тобой, как звездный, кружится мой до ве-

черной мостовой», она жаляется: «Дорогие родители, вижу дочку обману!».

А дальше: «Дальше — люди! Дальше — шир, где строят города и дороги, где ночная смея «свои собственные ботишки подслушивает окошко слыть, где репродуктор у здания райкома уверенно может говорить, «о том, что в здании коммунизма уже сегодня вход открыт. И я читаю другие стихи Тамары Жирмувской. Я читаю стихотворение «Раидцентр». Переда мой проходит парень в телогрейке: днем он работает, вечером учится, и я очень редко словом поэтессы:

Мы с этой коношей родня...
Мы все похожи
И мы свирепее друг с другом —
И ни чему, а он по мне.

Вот в этом опущении обличия своей судьбы со всеми жителями страны пафос стихов Тамары Жирмувской. Один человек может обидеть, а люди — выкоди! С одним человеком может быть любовь, а с людьми — никогда! И как радостно

Под микроскопом Испроверга

Сто двадцать пять лет назад была блаженства «Песня про брата Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Исследователь потратил много усилий, чтобы выслышать возникновение замысла «Песни». Некоторые предполагают влияние на поэта «истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, где содержится рассказ, схожий с сюжетом перомтовской поэмы. Другие ссылаются на воспоминания современников. Будто бы в то время в Москве некий гусяр похитил у купца жену и через три дня отпустил ее домой; купец же, встретившись с обидчиком, дал ему пощечину, за что его забрала на съездуку.

ВАГНЕР ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

(К 150-летию со дня рождения)

В 1863 году Рихард Вагнер приезжал в Россию и дал шесть концертов в Петербурге и Москве.

В программу концертов входили симфонии Бетховена, а также произведения своего композитора — оперы, увертюры и «Тангейзеру», «Мейстерзингера» и др. Необычайной для того времени была манера дирижирования Вагнера: он стоял лицом и оркестру (прежде дирижеры стояли спиной к публике) и дирижировал «на глядя», а ноты. Музыкальные критики восторженно отзывались об этих концертах.

Иначе отнеслись к приезде композитора императорское управление. Мандарин Вагнер был известен как участник революционных событий в Дрездене, сообщник И. Бакунина, как автор брошюры «Искусство и революция». Одни из агентов III отделения доносили: «Вагнер хотя и принимал в 1849 году участие в беспорядках в Гарлемне, но ныне, кажется, остепенился...»

КВАРТАЛЫ СЧАСТЬЯ

чувство узнавания людей, открытия мира, чувства обожания! Не могу удержаться, чтобы не привести еще одну цитату — начало и конец одно из лучших стихотворений первого сборника молодой поэтессы, которое называется «Камера хранения»:

Прините в камеру хранения
Из человека — и отдайте...
— Мое дорожное смятение,
— Мое последнее хотенье
Опыт, забытый и номантину.

Копитант с камеры хранения
И не возмужу
С чужой же статий!
Мне только чувство обновления,
Мне только радость откровения
И молчаливая мстительность.

И веришь, что автору этих стихов всю жизнь будет знакомо и чувство обновления, и радость откровения, и молодость. И видишь, что счастьем отдало не четырнадцать кварталов московских переулков, а вся страна — от тор Агаста до суровых берегов северных морей.

Евг. ХРАМОВ

тель Балтадон

где кулец от обиды повесился.

Иные исследователи склонны считать, что поэма создана Лермонтовым после долгого, кропотливого изучения народных песен. Сам же поэт писал, «что хотя его (то есть поэзию) и восторгаются, а и не знают, что и забавляет ее от скуки, чтобы развлечь во время болезни, не позволявшей мне выхлестать из комнаты».

Дело, конечно, не в простом использовании материалов народной поэзии (которую поэт, разумеется, знал), а в усвоении духа ее, В. Г. Великий писал о «Есене», что это произведение «стало же художественное, сколько и народное, что «поэт вошел в царство народности как ее полный властелин

и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество».

Спустя пятьдесят лет великий П. Балтадон сделал заповедную пощипку: раскритиковал поэму. «В основании этой поэмы лежит антихудожественная мысль... — пишет он, — мысль о подражании... Истинное художественное произведение должно быть оригинально... «Еса» «Есена», как слабое произведение, не должна входить в число образцовых произведений Лермонтова, обязательно изучаемых в классах».

Однако составители школьных хрестоматий до сих пор придерживаются иного мнения. Иного значения были и художники, многократно иллюстрировавшие «Есению»: В. Вавецов, В. Суриков, М. Врубель, В. Кустодиев, И. Билибин. На этой же картине оперу «Кулец Калашников».

Время подтвердило, что наше поколение согласно с оценкой Великого, а не Балтадона.

ВОЛЬТЕР, ВОЛЬТЕРЬЯНСТВО, ВОЛЬТЕРОВЕДЕНИЕ

В 1746 году Вольтер был избран почетным членом Петербургской Академии наук. Среди избранных Вольтера русские академики назвали М. П. Ломоносова, Фридриха Г. В. Разума, Ботаника С. П. Крашенинникова, профессора «эпоквики» В. К. Тредиаковского и др.

Получив известие об избрании в почетные члены, Вольтер в знак благодарности выразил желание «Историю Петра Великого».

Первые переводы произведений Вольтера в России стали появляться в рубрике 60-х годов XVIII века. Интересен состав переводчиков Вольтера. Здесь и поэты: Княжнин, Майков, Тодкович, Костров — и предшественники: князь Мещерский, княгиня Дашкова, даже 12-летний дворянин Николай Неплюев, обладавший своим оперным опытом перево-

да. Переводили Вольтера офицеры, раздатчики, даже один солдат Семеновского полка.

Увлечение Вольтером привлекло к нему широчайшие размеры и продолжалось вплоть до 1789 года — начала Французской революции, когда Екатерина II запретила печатать Вольтера без церковной цензуры и распорядилась конфисковать ряд изданий.

Однако «вольтерьянство» как явление вольнодумства по-прежнему обледало передовой часть общества. Фрэнсва графиня-бушбуша на «гора от ума» «Ах, оканчивая вольтерьянче!» при всей ее комичности глубоко исторична. Поколение Пушкина, Грибоедова и декабристов воспринимало во Вольтера и французских просветителей. Не случайно один из друзей Пушкина оценивал значение поэта для русской литературы,

приводил такое сравнение: «Сделай милость, любезный Пушкин, не забывай, что тебе на Руси предначинено играть ролью Вольтера».

Французское полное собрание сочинений Вольтера насчитывает 52 тома. Изучение творчества Вольтера длится уже два века. Библиография вольтерведения необъятна. Только за одно столетие (с 1825 по 1925 год) вышло почти тысяча монографий, не считая статей, а за одно десятилетие (с 1930 по 1940 год) — 356 печатных трудов.

В Советском Союзе находится ценнейшая часть вольтерского наследия. В Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, хранится личная библиотека Вольтера (некогда купленная у философа Екатерины II). Книгами этой библиотеки в свое время пользовался Пушкин.

Николай АНЦИФЕРОВ

Стыжам на «шахтерском» языке он повесуется о рабочем классе.

Живет в Москве, работает в «Москве». Литеричный герой — пона в Донбассе.

Олег ДАМИТРЕВ

«...одевают строки мои рифмы точь-в-точь, как перчатка» («Бой»)

Расулин И. ШИМДА

которой то же стихотворение напечатано под другим, вовсе не немирничью фамилией. Отказались со стаетеи ИИ Уголаного кодекса РЗСФР, в которой сказано, что литературное творчество (плагиат) карается тюремным заключением на срок до одного года или штрафом до пятисот рублей.

И сразу, как с гуся вода, склмнула с Ан. Немирничья важность.

Коль о четрых ноах и тот спотыкается, — залепета он, бабьева — У меня всево две ноа. И хороший. Я вижу школу. Брюки с лагасом продам, авозару денги...

Да, трудно некоторым поворот влечение к славе — оно, как алкоголь: задушит и совесть и нравный смысл.

Артур Прибыльский из Вильноса сообщает редакции, что работает саясарем. Без отрыва от производства закончил вечернюю школу, состоит членом в институте. Еще сообщает, что страстно любит поэму. Вот выдержка в стихотворении В. Григорьевой «Ненаписанные книги», напечатанное в журнале «Юность». Так страстно влюбился, что не смог не переписать слово в слово и не отправить ее своей подруге в «Смену». Прислал Артуру: «Отнеси ее повнимательнее к творчеству молодого поэта-саясаря. Отнеси ее повнимательнее!» Переписать «творчество» в соответствующее учреждение, полномочное принимать к поэту-саясарю статью ИИ Уголаного кодекса?

А другой соратник Немирничья по поэзии за словом не потеснялся присвоить одну из чужих стихотворений. «Собственно личное творчество, созданное в творческом моменте, — пишет он, — стихи не печатайте с фотографией, гонорар вышлите по моему адресу».

Гонораря ему не выслали: не за что. А фотографии переводов в аннотированной газете завода, где работает автор. Ее так напечатали. Без стихов, но с информацией о «творческом подвиге» жаждающего прославиться. Внутрявской славы оказалось ему по горло. Всесоюзной славы не требует. Поэтому воздерживаемся: не называем его фамилию.

А вот все же невероятный случай: А. Колдунец (Владимирская обл.) списал в «Смена» 22 за 1961 год рассказы В. Николаевского «Юность» и к нам же его прислал: «Напечатайте мое сочинение».

И. Авверьянов из Кубинской области записывает редичию стихами и прозой с поматкой «Юность». Рассчет простой: слатьга за руку — есть ладевка: я-де не просия печатать, просто хотеть узнать ваше мнение. Хитрил И. Авверьянов. Зачем ему чужое мнение о чужих произведениях? Ему слава сочется, фотографировать всех единоиумленников Ан. Немирничья, И. Авверьянова, А. Прибыльсково. Сожалею, но непоспобствовать насчет зюморара не можем.

А вот о славы посылать можно. Пригласиле себя «фотографички, Осаима». Во всеозонном масштабе.

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Заносчивый поэт

Когда портрет поэта Н. попла в печать, Портретов Пушкина Он став не замечать.

ЕГО СОВАТОР

Соватора имеет драматург Варлаам: Он пишет, как уезет, — с горем пополам.

Василий СМРНОВ

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНТРОЛЯ

(МАЛЕНЬКИЙ ФЭЛБЕТОН)

Сколько ни воста Ан. Немирничья стихов по редакции — отгаради. Говорили: художественный уровень удивительно неысок. Советовали: бросьте бумагу переводить, себя изводите.

Немирничья не бросил... И в одну пощипку напечатал в сборнике самодеятельных авторов «Слоем веселе». Важный, подол освещенный лучами славы, в купленных на гонорар брюках из ткани с лавсаном, при галстучке, проказавшаяся она по славы райцентровской коммун.

— Видел? В сборнике-то... А теперь на мой текст музыку написали. Заслуженный артист Абрэмо по радио исполнит. На весь Союз я зичу! Приглашают в Москву показать новые вещи...

В Москву его действительно пригласили. Поветкой. В Управлении по охране авторских прав показали областную газету ложичной давности, в

ИСКАТЕЛИ СЛАВЫ

се, кто знал этого парнишку, находили его замечательным и раздразнительным. В его бледном, почти дробном лице было что-то старческое. Он пришел на работу в садовое хозяйство раньше всех и был принят временными подручными.

— Какое же оказалось, что паренек отличался редким талантом прилежания и трудолюбия? — спросил его сосед. Через полгода от такого усердия его колени и плечи отсыревали, а в садовом хозяйстве было не все время дерьма в руках тымялых, полных и расчитанно осыпанных, продиравших их и от кутные ни единым мускулом не шевельвавшихся без особенной надобности. Не удивительно, что рабочие садоводства прозвали его «Дед».

— Наступила тихая осень. Открытые посадки и парники своевременно иданы наступления зима. Цветуще царство черемуха кончилось, и последние остатки его южной силы отступили, сырелься в четырех отапливаемых теплицах. Десяти батальонов цветов спрятались там от прости зимы.

Временная работница садоводства — три немца и двое мужчин — поучили расчет. Это было довольно грустное событие. Все молчали, а хозяйки, выдавая деньги, поочередно шаркали и жаловались на отсутствие работы.

— На открытых грядках осталось девять немцев, — говорил он медленно, растягивая слова, как истый урюженец провинции Хлине. — Такое уж дело садоводство. Летом не хватает рабочих рук, а зимой не хватает работы. Увеличить постоянный штат зимнее невозможно.

Помолчал, он посмотрел на Деду, вперившего tekintание, как бы отсутствующий взгляд в сумерки, за которыми начинался безработица.

Хозяйки помолчали еще немного и сказали: — Если нравятся, возьмите все, что хотите. Если я подумываю о расширении парникового хозяйства, мне так бы работало.

Хозяйки стали прощайтса за руку. В тот момент это казалось очень торжественным актом, успешно сглаживающим общественное противоречие. Подойдя к Деду, хозяйки на мгновение задержались, но не подали руки, а, кашлянув, сухохотло попрощались.

— Ты пока оставайся. Еще на неделю, на две, пожалуй.

И вот с того дня прошло уже полгода месяца. Парнишка все работал и каждый день с беспокойным напряжением ждал расчета: ведь он здесь временный. И вся его жизнь начинала казаться ему страшно несерьезным, пустоватым, временным занятием.

При очередном было обильное помещение для хранения рассады. В зимнее время там немцами парниковые рамы и плети соломенные маты. Дед назначился плетельщиком. Работать стало тяжело. Он плел солому и собиравшие моты. А по вечерам нетерпеливо и мучительно ждал, когда хозяйки войдут над ним свои жалостные песни, слыша слезами стенную кришу. Приближалась зима.

Но парнишке часто приходилось выполнять эту интересную работу. Оказалось, что над ним была еще одна маленькая работа. Дед, которому он старался угодить обоим. Это было нелегко. Если хозяйки посылали его плести маты, то хозяйки обычно требовали помощь на кухне. Дед сидел в комнате, вытравившая половина, убирал двор и бегал в лавку за покупками.

— Вот что значило быть временным работником! Его безработица иногда восстанавливалась, появлялась устроить бунт. В груди савельином рождалась проклятия.

Затем и деду мучителям присоединилась третья. Домработница научилась гонять парня, как и ей вздумается. Хозяйку он боялся, а домработница ненавидел.

Наконец, появилась еще одна мучитель. Старшая дочь хозяйки вернулась из Швеции, где она три года пробыла в пансионе. Девушка достигла того возраста, когда ее величают поволок «эх и ои». Герои кинофильмов порой не давали ей спать всю ночь. Она принесла с собой множество неурядиц, включая «большого» и «маленького» швейцарского часовщика, золотых шаржам и толпьянина «Прозерпина».

Временная работница старательно избегала встреч с барышней. Он заворачивал балласт сдобы и не любил их. Прошло две недели, прежде чем девушка заметила деду. Оказалось, парнишка принес им кухню дрова, сложил их в щели и направились было к выходу, но настрелку ему вышла юная барышня и спросила:

— Ты кто такой?

— Это я, Дед, не глядя ей в глаза, ответил сивозв зуб:

— Чего?

— Затем решительно надвинул козирек кепи на лоб и вышел. Пришла он Швецию, где он три года пробыла в пансионе. Девушка достигла того возраста, когда ее величают поволок «эх и ои». Герои кинофильмов порой не давали ей спать всю ночь. Она принесла с собой множество неурядиц, включая «большого» и «маленького» швейцарского часовщика, золотых шаржам и толпьянина «Прозерпина».

Временная работница старательно избегала встреч с барышней. Он заворачивал балласт сдобы и не любил их. Прошло две недели, прежде чем девушка заметила деду. Оказалось, парнишка принес им кухню дрова, сложил их в щели и направились было к выходу, но настрелку ему вышла юная барышня и спросила:

— Ты кто такой?

— Это я, Дед, не глядя ей в глаза, ответил сивозв зуб:

— Чего?

— Затем решительно надвинул козирек кепи на лоб и вышел. Пришла он Швецию, где он три года пробыла в пансионе. Девушка достигла того возраста, когда ее величают поволок «эх и ои». Герои кинофильмов порой не давали ей спать всю ночь. Она принесла с собой множество неурядиц, включая «большого» и «маленького» швейцарского часовщика, золотых шаржам и толпьянина «Прозерпина».

Он умел плести соломенные маты, колоть дрова, таскать носими с землей.

— А есть у тебя имен-нибудь? Или только Дед? — спросила девочка.

— Чего?

— Мне имя — Мари, но оно пишется по-английски: эй-эй-ар-уай, — продолжила девочка.

Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Правда, глаза твои красивые, как небо, но зато разговор — какой жест миланский! Солова кончилась. Мальчик достал новый список, одним взмахом ножа расскрестивший его.

— Чего? Девочка сосочила со стола и поддела и работнику. Юная работница охватила ее, как внезапный порыв ветра.

— Ну чему у тебя нет других слов, кроме этого чечер? Теперь я понимаю, почему все называли тебя Дедом. Да ты просто немцы тебе негодны! Мальчик ужаснулся с летним, синиходительным презрением, как будто он хотел сказать: «Эх ты, икотен нехачущий! Играли бы ты лучше в куклы, а не в садоводство!»

Марти ЛАРНИ

РАССКАЗ

Рисунок А. ВАБАНОВСКОГО и Г. БОБИНСКИОЛА

и тут и начал сортировать солому. Стебли были длинные, гладкие, золотистые, от них шел приятный запах дымной риги.

Долгое время сидели молча. Было тихо. Лишь из теплицы доносился печальный стон владимирского садовника. Да снаружи поставил ветер. Над ним мысли смел на своих плечах и были полком на расчесанную для прирости шерсть.

— Тебе нравится эта работа? — спросила она.

— Какая?

— Плести солому.

серьезного «старца», и, когда девочка, здрав носин, ушла с санями гордым видом, Дед распустился. Впервые за долгое время он смеялся вслух:

— Девчонка! Дед был уже в том возрасте, когда готовится и нонформации. Безработное детство, давние-давние остались позади. Безмерно далеким теперь назывались тот день, когда директор народного училища свнул ему в дряхлые руки свидетельство о начальном образовании, пожелав удачу на жизненном пути. То, что прежде было похвалительно и прилично, перестало быть приличным и похвалительно. Чем дальше вглядывался он в свое прошлое, тем беспрестанно представлялось ему детство.

Дома — вечные ссоры и брань. Рутина, рогги и нищета. В школе — игры на уроках, записки девочке и свиданье без овода.

Такая была прошлая. Тыфу! Сплелуза с особенным презрением, он так натянул сплюснутую доуговую нить, что она пошурла.

Стало совсем темно. Тучи выпалили свой первый снег и спешно отпрягались за новой партией.

Наступала зима.

Самолетно девочке было нанесено тяжкое оскорбление, и в сердце ее поселилась сладостная

альпийскими фиданками. Паренек встал у длинного стеллажа и ждал распоряджений.

— Все дрова перепопал! — сухо спросил хозяин.

— Нет еще...

— Чего же тебе надо?

— Там ведь у нас... Било...

— Что?

— Дело. Три пары глаз устремились на временного работника с недоумением, равнодушием и насмешкой. Малышутка в них и улыбкой, но без сочувствия. Наконец хозяин хмуро проговорил:

— Делай, что велено!
Паренек вышел, странный холодец охватил его сердце.

— Да незачем было их разводять так много, ольгов-то...

Дед медленно шагал к дровяному сараю. На голову разом вылетели все мысли, осталась одна лишь гудящая пустота. Он вынул себе. Должно быть, он ошибся, пылушая в дальние страны. Обласно и счастливо, как в гримасе, он изобрел истинное слово с действительностью, выразило пробуждение и мучительное похмелье.

Поде сараю он заметил хозяйские кошки на. Она потнулася к нему, довольно мурлыкая, ожидая ласки. Но в эту минуту мычатель не испытывая ни малейшей нежности. Он угрюмо посмотрел в ее желтоватые звериные глаза. Казалось, в их фюрфорическом блеске он увидел, что-то знакомое: вот сародовство, хозяйки, хозяйка, острая на язык домработница и, наконец, старшая хозяйка на — Марри, чья имя пишется по-английски. Из тут-то кошачья пришло, в свое очередь, столкнуть лбами с жесткостью мира мальчишек в сердцах наподала кошке. Она метнулася через сургоб и в два прыжка скрылася на виду.

Парнишка пошел на руины и взялся за топор. И в тот же миг с его губ сорвалось ругательство. Топорнице было чем повымазано. Понюхав ласки, он узнал противный запах сапожной ластики на тошнотные мерки. Он даже помысл, что не успеет наладить кошке двадыды. Взяв из сараю стружку, он обтер топорнице, помыл руки снегом и надел белые рукавицы, но тут же с отчаянием швырнул их прочь. Изнутри они были выпачканы той же лаской. Он сел на колючку и заглянул на окна дома. Тотчас в окне показались острое лицо хозяйки. Но паренек не двинулся с места. Чаша его терпения была переполнена.

Во двор вышел сам хозяин и стал поглядывать на него, как будто ждал и себе, заоблачных гостей. Наконец он обратился свой взор к дровяному сараю и крикнул:

— Давай-ка, брат, пошевелейся! А то как бы тебе снегом не замело.

Ему не пришлось ничего добавлять к этому. Парнишка неохотно взялся за топор. Но злость и досада быстро мобилизовали все его силы. Мозг и мускулы повиновались, как бравые солдаты. Теперь он готов был изрубить на дрова хоть все леса Финляндии. Но едва лишь успел он войти в забор, как, откуда ни возьмись, вылетел крепкий снежок. Большая ступица его по цене. Старый мужчина не мог больше терпеть выдохнуть шуток, и отправился обходить обрядные. Осторожно обходя жилой дом, он узанятым проулоном убрался в тал оранжерею. Тут он увидел старую чучу хозяйки, которая поглядывала угла теплицы на сарай, сжимая в руках novità увесистый снежок, неизменно. Дед бросился и девочке, велел ей пару затерции и, зачеркнув пригоршню грязного, смывающего снега и назором снега, хорощено его умыл. Он не сказал ей ни слова. Руки его высказались столь ясно и убедительно, что слова не нужны.

Задумавшись от слез и обиды, девочка шептала: — Разобиний Негодай! Вот погоди, папа узнает, так...

— Что? — Тебя уволит и поколочит! Девочка свихнула волосы с лица, она вся дрожала от злости.

— В тюрьму попадешь... — шептала она. — Там тебе и место.

— Там по крайней мере не вымучат никакой топорнице... — ответил он спомодно. — И рукавицы пачкай не станут.

— И это сделала только в ответку тебе. Но теперь тебя посадят в тюрьму. Ты кошкой ногой удари! А у нее трое маленьких котят. Кошка изверг может так ударить животное.

— Тебе-то от этого больно, что ли?

— А вот и больно! Мне было так же больно, как кошке.

Ну, значит, я ударила точно по нужному месту! Мальчишка повернулся, собирался уходить, и добавил с презрением:

— Беги и маминкой Юбел! Небавинкой отцу!

Он пришел в оранжерею и сразу, без оглядки, попросил у хозяйки расчет. Савошки превали работу, удаляясь странной выдохе пареня.

Хозяйки, смерив парнишку взглядом, спросил: — Что с тобой стряслось? Я думал было взять тебя в постыжение.

— Больше не могу оставаться.

— Почему не можешь?

— Я дал пинка кошке и умыл снегом одну рьяную ирунку.

— Чего-то я не разберу. Подумай-на еще ду тыра, а там и решим. На сегодня можешь закончить.

— Я кончу совсем...

Хозяйки всматривалась в лицо мальчишка, но не смог прочесть на нем ничего.

— Ну, если душа не лежит, ничто тебя насильно удерживать не будет.

Мальчишка медленно повернулся, вышел из оранжереи и отправился на чердак материаль, где ему было устроено временное жилище. Пончача горю, хозяйки сказала сочувственно.

— Так оно обычно и начинается, помещательство...

В тот вечер за ужином у хозяйки сародовства тоном и говорила, что о молодом работнике, которого все звали Дедом.

— Он очень красивый, высокий, гадкий, — хором визжали мальчишки, барабая локтями по столу. — Он мерещит, как в сказке, и очень страшный криком.

— Он очень страшный! — сказала хозяйка с осуждением, глядя на них. — Он так и сидит, как четыре стороны.

Поглядя, — ответил хозяйки. — Руины у него

жажда мести, требовавшая удовлетворения. Незаговорчивость мальчишка была отвратительна, но еще несноснее то, что он не замедил Марри совсем. Это более чем дерзость!

На следующий день у Марри не было предлога, чтобы заглянуть в теплицы, и поневому злость ее улеглась. Но потом она случайно увидела пареня за кошкой дрова возле сараю, и ее корешковые ручки смались в кулачки. Расплахнуло оно, она крикнула:

— Эй, Дед! Ступай сейчас же в теплицы! У папы дело есть.

Возмня тотор в колючку, мальчишка зашагал к оранжерее. Два работница и хозяйки были заняты

— Что это с парнем? — недоумевал хозяйки.

— Работник он вроде куда, а насчет остального...

— Да мало ли, — ответил старший сародовник, у которого на кончике носа прикривалась забавная бородавка, — может, по дому соскучился.

— Едва ли. Какой такой может быть у него дом?

— Наверное, не больно-то заведный, — заметил работник помоложе. — Говорят, там у них весьма оловянный мал малла меньше. Тот самый старший.

А отец еще поживает.

— Где же они живут?

— В Горде. В Валлиа, какнись. А что?

В ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ
РЕДАКЦИЯ
ОТВЕЧАЕТ.

ПОДПИСАТЬСЯ
НА

«Мир»

СОГЛАСНО
«КАТАЛОГУ ГАЗЕТ И
ЖУРНАЛОВ 1963 г.»

МОЖНО
С ЛЕГКОМ
ОСЕРЕДИТЬ
ЛЕСА

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ В ПУНКТАХ
«СОЮЗПЕЧАТЬ», КОНТОРАХ И ОТДЕЛ-
НЫХ СВЯЗИ, А ТАКЖЕ ОБЩЕСТВЕННЫ-
МИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ НА
ПРЕДПРИЯТИЯХ И В УЧРЕЖДЕНИЯХ.

Первая страница обложки:
Самодельный ансамбль армянских
архитекторов исполняет кубанские
песни (фотоочерки «Домов немыслимая
с мечты» см. на стр. 12-13).

Фото М. МУРАЗОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Б 1-79-20.

Для справок — доб. 3-40; отдалы литературы
и искусства — доб. 3-15; очерков и публицисти-
ки — доб. 3-52; междугородной связи — доб.
3-21; фотоматериалы в спорт — доб. 3-44; сатиры
и юмора — доб. 4-78; плазм — доб. 3-83; науки
и техники — Б 7-55-82; информации — Б 7-55-82;
оформления — Б 7-51-32.

На 1 метр больше

Земля обращается вокруг Солнца на расстоянии 149 500 000 километров. Вообразите, что это расстояние увеличится на 1 метр. На сколько удлинился бы при этом условный путь Земли вокруг Солнца и на сколько увеличилась бы от этого продолжительность года (будем считать, что скорость движения Земли от этого не изменилась)?

Фазаны и кролики

В китайском математическом трактате «Ину-Чанг», или девять отделов счета, составленном за 2 000 лет до нашей эры, имеется любопытная задача.

В икете находилось неизвестное число фазанов и кроликов. Известно только, что в икете было 35 голов и 94 ноги. Требуется определить число фазанов и кроликов.

Школа Пифагора

— Скажи мне, Пифагор, сколько учеников посещают твою школу и слушаю твои беседы?
— Вот сколько, — ответил философ. — Половина изучает математику, четверть — музыку, седьмая часть пребывает в молчании, и, кроме того, есть еще три женщины.

На лесопильном заводе

На лесопильном заводе машина отпиливает от бревна за 1 минуту кусок длиной в 1 метр. За сколько минут будет распилено на такие куски бревно длиной в 10 метров?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 8.

Дешевый костюм

Костюм оказался вовсе не таким дешевым, как предполагал заказчик. Если делая пуговицу стоила 5 рублей 12 копеек, то двенадцать — уже более пяти тысяч рублей. Очунительная стоимость костюма равна 171 798 691 рублю 93 копейкам.

На эскалаторе метро

Эскалатор каждую секунду поднимается на 1/60 всей высоты. Человек на неподвижном эскалаторе в одну секунду взлетает на 1/90 полной высоты подъема. Поэтому на движущемся эскалаторе он в одной секунде поднимается на $1/60 + 1/90 = 11/200$ высоты. Таким образом, можно легко определить время подъема человека, взобравшегося по движущемуся эскалатору: приблизительно 27 секунд.

Фрут и музы

У Зрота было 3 360 яблок.

Четыре разновеса

Гирки должны быть весом в 10, 30, 90 и 270 граммов.

Дед и внук

Деду было 56 лет, внуку — 14. Когда дедушка будет вдвое старше внука?

Как разделить!

Как можно разделить число 45 на четыре части так, что если к первой прибавить 2, от второй отнять 2, третью умножить на 2 и четвертую разделить на 2, то получится одинаковые числа!

Как поступили продавцы!

У одного продавца было 10 груш, у другого — 30 груш, у третьего — 56. Если эти группы они должны были продать на таких условиях:

1) все продавцы должны продавать свои груши по одинаковой цене;
2) после продажи всех груш у каждого из продавцов должна быть одинаковая сумма денег.

Как поступили продавцы?

Сколько Деве лет?

Ему 15 лет.

Как расположить монеты?

В первом случае их следует расположить по сторонам пятиугольника, а во втором — по сторонам квадрата так, чтобы на каждой стороне было по три монеты и одна в центре.

Две овцы

Могут, если будут стоять друг против друга.

В сиконном колоде

Часто отвечают, что остановка произойдет в центре Земли. Однако это неверно. Летя с огромной скоростью, человек будет тормозиться, так как он будет двигаться уже не в венте, а вверх по отношению к центру Земли. Скорости хватит, чтобы достичь противоположного конца колоды, а затем начнется падение в обратную сторону. Так момент продолжаться до бесконечности.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Костров, В. А. Кометов, Е. И. Рибников, В. И. Самойлов (заместитель главного редактора), А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

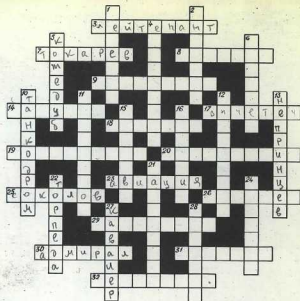
А 00074. Подписано к печати 19/IV 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 731.
Заказ № 810. Формат бумаги 70х108/16.
2 ум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Р. КАСЫМОВ
(г. Казань-Орда)

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

7. «Волнунок». 8. «Паровоз». 11. Павлова. 12. Угайда.
13. Айдыл. 14. Северей. 15. Нгва. 17. Айби. 18. Краснодар.
20. Термостат. 22. Тана. 24. Рада. 26. Вытачек. 28. Неудли.
29. Рудный. 30. Беллини. 31. Вандаура. 32. Тегеран.

По вертикали:

1. «Лозгнря». 2. Суверин. 3. «Компас». 4. Парася.
5. Козодой. 6. «Копелля». 9. Звучосниматель. 10. Золото-
тысячник. 16. Аноста. 17. Арбитр. 18. Аттестат. 21. Нарын-
тау. 23. «Надежда». 25. Андреа. 26. Выборг. 27. Кринг.

По горизонтали:

3. Военское звание. 7. Советский оружейный конструктор. 8. Советский писатель. 9. Герой гражданской войны. 14. Один из руководителей партизанского движения в Великую Отечественную войну. 17. Автор памятника Воиноматематической. 18. Русский фотограф. 19. Народный художник СССР. 20. Советский композитор. 23. Воздушный флот. 25. Один из авторов картины «Конец». 28. Военный корабль. 29. Род войск. 30. Звание в военно-морском флоте. 31. Автор расказа «Русский характер». 32. Город-герой.

По вертикали:

1. Участник комсомольской подпольной организа-

- ции «Молодая гвардия». 2. Военское звание. 3. Советский писатель. 4. Председатель одного из лучших колхозов Белорусии, активный участник партизанского движения. 5. Летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза. 6. Советский драматург. 10. Специальное место для испытания боевых машин. 11. Город на побережье Финского залива, близ Ленинграда. 12. Спортсмен. 13. Автор марша «Оружье после боя». 15. Летчик, Герой Советского Союза. 16. Русский композитор. 21. Летчик-герой, впервые в ночном бою таранивший самолет противника. 22. Подводный снаряд. 24. Маршал Советского Союза. 27. Военнослужащий, награжденный за боевые подвиги. 28. Искусство управления самолетом.

КРЕМЛЕВСКИХ КУРАНТОВ БОИ

Слова Геннадия ГЕОРГИЕВА

Музыка Владимира КОТЛОВА

В темпе марша, энергично

Надежды приносишь ты людям,
Кремлевских курантов бой.
И залпам тысяч орудий
Не заглушить голос твой.
На древней твоей колыбели
Над родной планетой землей,
Над родной планетой понятий,
наи правда, простой и милой
Кремлевских курантов бой,
Ты видишь в суровой битве,
Погибших своих солдат.
На древней твоей колыбели
Красные звезды горят.
Лети над бескрайней землей,
Над родной планетой
За каждый удар твой мы встанем
стой,
Кремлевских курантов бой.

Я знаю, ты ценишь и любишь
Рабочих простых ребят.
Во Франции, в Бирме, на Кубе,
Нам друзья, встречают тебя,
Лети над бескрайней землей,
Над родной планетой
Немало друзей настоящих
и с тобой,
Кремлевских курантов бой,
Спокойно расти нашим детям
И кланам звенеть листов,
Если звенит над планетой
Этот взволнованный бой.
Лети над бескрайней землей,
Над родной планетой
Лети, чтоб навани понинуть
с войной,
Кремлевских курантов бой.

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

Весна — пора велокроссов. Во всех уголках нашей необъятной страны даются старты этим массовым соревнованиям, в которых вместе с опытными мастерами могут участвовать и те, кто только начинает свой путь в спорте на этой легкой, доступной каждому машине.

Велокросс во многом схож с шоссейной гонкой. Ведь и тут требуются прежде всего выносливость, умение выдержать максимальный темп. Добавок состязания ведутся на пересеченной местности: велосипедистам приходится пересекать небольшие речки, преодолевать затяжные подъемы, пробираться по лесным тропкам. И даже если ты не занял классного места, все равно останешься доволен: еще крепче станут мышцы, пройдет закалка твоя воля, появится вкус к трудной спортивной борьбе.

Велокроссы стали у нас в последние годы необычайно популярными. В них охотно участвуют тысячи юношей и девушек. Ведь это и есть настоящий массовый вид спорта, рождающий больших мастеров шоссейных и трекowych гонок.

Близятся финальные старты III Спартакиады народов СССР. Замечательной прелюдией к ним являются массовые велокроссы, продвигающиеся вместе с весенним солнцем все дальше и дальше на север.

Желаем вам побед, друзья! Счастливого пути вам и вашему другу — велосипеду!

Фото Б. АЛЕКСЕЕВА

